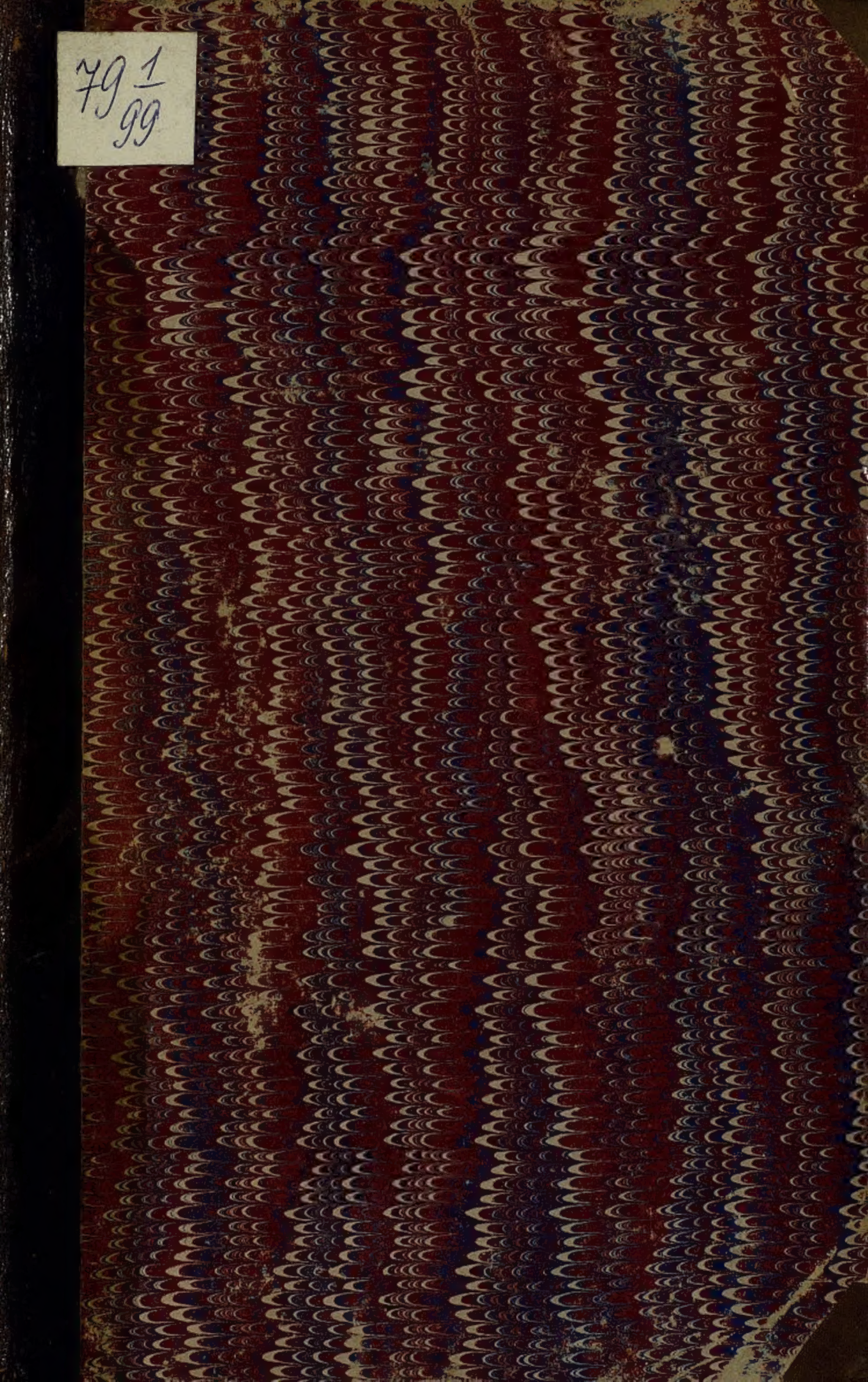
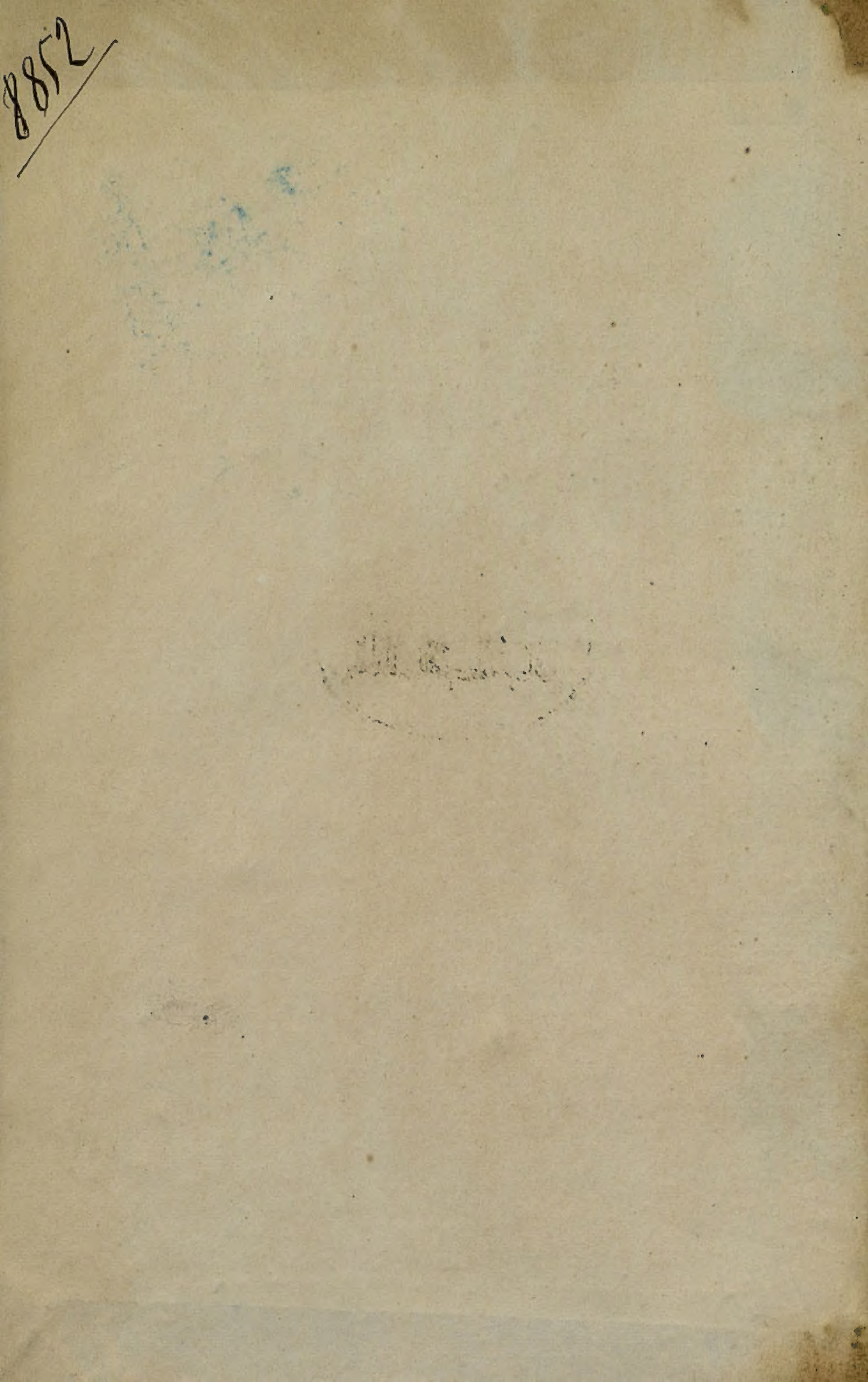

79 1/99

Беккарий, Ч.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ

И

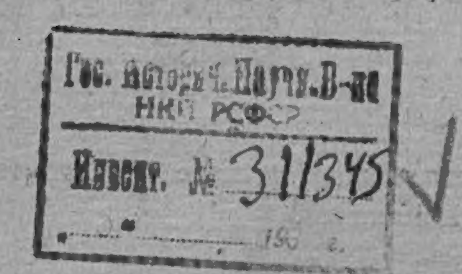
НАКАЗАНІЯХЪ.

Перевелъ съ Французскаго

Александръ Хрущовъ.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ,
въ типографіи И. Глазунова, 1806 года.

Гос. Историч. Публ. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 31/345
190 г.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Истинна нравится великимъ людямъ и благотворителямъ человѣчества, ими управляемаго.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Кому кромѣ виновника благоденствія своей державы, должно приносить плоды великихъ людей, посвящавшихъ труды свои пользѣ человѣчества? И такъ именемъ покровителя наукъ, именемъ учредителя святилища законовъ, осмѣливаюсь украсить новый переводъ Беккарія!

Сколь буду щастливъ, естьли трудъ мой удостоится отъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА *того же*

благоволенія, которымъ ознаменовался предшествовавшій переводъ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Александръ Хрущовъ.

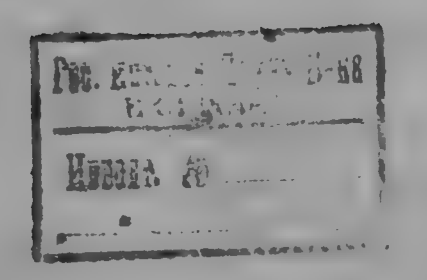
ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

отъ переводчика.

Разсужденіе Беккаріево о преступленіяхъ и наказаніяхъ давно уже извѣстно во всѣхъ странахъ, гдѣ помышляютъ о усовершенствованіи уголовной части, столь важной и столь неявственной почти во всѣхъ законодательствахъ.

Г. Языковъ обогатилъ симъ сочиненіемъ Рускую словесность, сообразуясь въ переводѣ своемъ съ расположеніемъ Морелетовымъ: недавно вышелъ во Франціи новый переводъ сей книги, въ которомъ не сдѣлано никакой перемѣны и не упущено ни одной статьи изъ подлинника. Ласкаясь, что все при

надлежащее къ твореніямъ Беккарія, драгоцѣнно для любителей словесности и политики, осмѣливаюсь послѣ перевода Г. Языкова издать мой трудъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

отъ сочинителя.

Тому уже минуло двенадцать столѣтій, какъ одинъ Константинопольскій владыка, повелѣлъ собрать остатки древнихъ законовъ Римлянъ, столь знаменитыхъ ратными ихъ подвигами. Сіи законы, смѣшавшись въ послѣдствіи съ богослуженіемъ Ломбардовъ, сдѣлались еще темнѣе отъ безчисленныхъ объясненій и выданныхъ въ свѣтъ множествомъ неизвѣстныхъ истолкователей, которыхъ рѣшенія вовсе не должны уважаться: ибо, будучи людьми частными, они по званію своему не имѣли права на сей трудъ и не могли доставить ему величія, свойственнаго законамъ. Однако вотъ въ чемъ состоитъ преданіе мнѣній, почти въ цѣлой Европѣ удостоиваемыхъ имени законовъ; вотъ что подкрѣпляетъ сіе заблужденіе, столь же пагубное, сколь и непревратное, отъ котораго мнѣніе Карпзовіуса, древнее обыкновеніе кларусомъ означенное; наконецъ казнь, кажется, увеселявшая варварское воображеніе Фаринакіуса повсемѣстно учинились

правилами. И симъ-то правиламъ, изъ столь мрачнаго источника изтекшимъ, дерзаютъ спокойно слѣдовать сіи властелины жизни и жребія людей, которые бы съ трепетомъ долженствовали употреблять орудіе ввѣренной имъ власти.

Сіи законы, оставшіеся отъ временъ всеобщаго невѣжества, будутъ предмѣтомъ моего сочиненія, въ которомъ разсмотрю я оные въ отношеніи къ уголовному судопроизводству. Однимъ только распорядителямъ благоденствія общественною дерзаю я представлять изображеніе безпорядковъ, отъ оныхъ произшедшихъ; ибо простолюдимство, столь же непросвѣщенное, сколь и не терпѣливое, онымъ не обольстится. Естьли могъ я свободно предаться изысканію истинны; естьли я не страшился уклониться отъ принятыхъ мнѣній; то сею щастливою дерзостью обязанъ я кроткому и просвѣщенному правленію моего отечества. Истинна нравится великимъ людямъ и благотворителямъ человѣчества, ими управляемаго; она имъ тогда еще любезнѣе, когда во всемъ своемъ блескѣ представляется неизвѣстнымъ философомъ; когда, чуждаясь изувѣрства, руковод-

ствуется любовію къ благу общественному и симъ непорочнымъ рвѣніемъ, которое, опалчаясь единственно противъ мучительства и коварнаго пронырства, всегда повинуется разсудку.

Кто восхочетъ во всѣхъ отношеніяхъ изслѣдовать безпорядки, сопровождающіе наши законы, тотъ увидитъ, что они служатъ для нихъ сатирою, и болѣе принадлежатъ столѣтіямъ предшествовавшимъ, нежели нашему вѣку и законодавцамъ его. И такъ желающій удостоить меня критики, пусть сперьва разсмотритъ цѣль сего сочиненія; тогда удостовѣрится онъ, что оно не только не стремится къ уменьшенію власти законной, но еще послужитъ къ усугубленію оной, въ то время когда бы мнѣніе для людей было властительнѣе силы и когда бы кротость и человѣколюбіе долженствовали подкрѣплять права и дѣйствіе власти. Но какъ критики, несправедливо противъ меня учиненныя, основаны на понятіяхъ невразумительныхъ; то я и принужденъ на время прервать разсужденія, предлагаемыя мной просвѣщеннымъ читателямъ, дабы наконецъ навсегда заградить уста усердію

робкому и заблуждающемуся, и завистливой злобѣ, изливающей ядъ клеветы на всѣхъ друзей истинны, ревнующихъ показать ее людямъ.

Откровеніе, законъ естественный, искуственныя условія общества, суть три источника всѣхъ нравственыхъ и политическихъ началъ, господствующихъ надъ людьми. Безъ сомнѣнія не льзя сравнить величественной цѣли откровенія ни съ закономъ естественнымъ, ни съ постановленіями общественными: но мы зримъ, что оно совокупно съ ними споспѣшествуетъ къ утвержденію щастія смертныхъ въ теченіи временной сей жизни. Познаніе различныхъ отношеній, постановленій общественныхъ, не изключаетъ изъ оныхъ отношеній закона естественнаго и откровенія. Напротивъ того сіи непреложныя постановленія, сіи опредѣленія самимъ божествомъ изреченныя, столь растлѣли отъ людей развращенныхъ, столь многоразлично разнообразились отъ лживыхъ исповѣданій, столь часто замѣнялись въ человѣческомъ сердцѣ безчисленными самопроизвольными понятіями о порокѣ и добродѣтели; что необходимо должно, не-

зависимо отъ постороннихъ разсужденій, разсмотрѣть обстоятельства, непосредственно раждающіяся отъ условій человѣческихъ, изражены ль тѣ условія въ законахъ установленныхъ, или еще только нужда и общая польза учрежденіе ихъ предполагаютъ. Вотъ въ какомъ видѣ должны соединиться всѣ секты и всѣ нравственныя системы: и можноли не одобрить намѣренія, къ тому единственно клонящагося, чтобъ принудить упрямство и безвѣріе сообразоваться съ правилами, соединяющими людей въ общежитіе.

И такъ можно отличить три отдѣленія пороковъ и добродѣтелей. Одно изъ нихъ принадлежитъ къ вѣрѣ, другое къ закону единственному, а третье къ политикѣ. Сіи три отдѣленія никогда не должны противорѣчить одно другому. Но сего не можно сказать о слѣдствіяхъ и о должностяхъ, отъ каждаго изъ нихъ зависящихъ. Обязанности, налагаемыя откровеніемъ, превосходятъ обязанности закона естественнаго: а требованія онаго не предписываются простыми общественными учрежденіями. Но надлежитъ внимательно отличать все проистекающее изъ

сихъ постановленій, то есть, изъ явственнаго или подразумѣваемаго договора, учиненнаго по взаимному согласію людей: ибо власть сія по естеству своему можетъ законно переходить отъ одного человѣка къ другому, безъ особеннаго содѣйствія существа вышняго. Итакъ не затмѣвая понятія о добродѣтели политической, можно обозрѣвать его въ видѣ измѣняющагося понятія; понятіе о добродѣтели естественной было бы всегда ясно и безмрачно, естьлибъ явственность его не облекалась завѣсою слабостей и страстей человѣческихъ : но понятіе о добродѣтели духовной всегда единственно и непреложено: ибо оно истекаетъ изъ нѣдръ Божества, виновника и блюстителя онаго.

Итакъ не можно укорять въ правилахъ, противуположныхъ закону естественному или откровенному, того, кто писалъ объ однѣхъ условіяхъ общественныхъ и о послѣдствіяхъ оныхъ. Могъ ли онъ противъ того ополчаться, о чемъ не говорилъ? Несправедливо также принимать въ смыслѣ Гобеса сказанное имъ о состояніи войны, предшествовавшей общественной распрѣ. Сей филосовъ разсматриваетъ

оное въ видѣ состоянія, не предполагающаго никакой должности и никакой предварительной обязанности; а я разсуждаю объ немъ, какъ о слѣдствіи развращенія естества нашего и какъ о недостаткѣ точныхъ законовъ. Наконецъ несправедливо заключали, что изыскивающій слѣдствія общественнаго договора, не признаетъ ихъ до существованія онаго.

Божественная и естественная истинна по сущности своей непреложна и непоколебима; ибо сношенія, находящіяся между двумя не разнообразящимися предметами суть неизмѣнны. Но справедливость человѣческая или политическая, означающая однѣ только сношенія дѣйствія Государства съ дѣйствіемъ общества, можетъ перемѣняться по мѣрѣ вреднаго или благотворнаго вліянія дѣйствія сего на общество. Истинное познаніе законовъ, зависитъ отъ точнаго изслѣдованія совокупныхъ и разнообразящихся сношеній, отъ постановленій общественныхъ произтекающихъ. Смѣшавъ сіи начала, необходимо отличенныя; не возможно уже съ точностію разсуждать о предмѣтахъ политическихъ. Богословъ долженъ означать предѣлы

справедливаго или несправедливаго въ отношенiи къ внѣшнему, и въ разсужденiи добра или зла, непосредственно въ дѣйствiи заключающемся; но законодавецъ долженъ опредѣлить сношенія справедливости и несправедливости политической; то есть, сношенія вреда и блага, обществу причиненнаго; и никогда одинъ изъ сихъ предметовъ не можетъ вредить другому. Вотъ до какой степени простая политическая добродѣтель должна уступать непревратной добродѣтели, сего священнаго излiянiя небесъ!

И такъ я еще разъ повторяю: пусть желающій удостоить меня критики, не начинаетъ ее присвоенiемъ мнѣ зловредныхъ правилъ для добродѣтели и вѣры, когда уже доказалъ я сколь несовмѣстны онѣ съ моими мнѣнiями; чѣмъ бы называть меня невѣрующимъ и мятежникомъ, пусть докажетъ онъ, что я дурной логикъ или безразсудной политикъ; пусть внемлетъ онъ безъ содраганія всему сказанному мной въ пользу человѣчества; пусть убѣдитъ онъ меня въ томъ, что политическiя мои правила вредны или безполезны; наконецъ пусть покажетъ онъ мнѣ выгоду принятыхъ постановленiй.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ

И

НАКАЗАНІЯХЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Люди почти всегда предоставляютъ важнѣйшія учрежденія времени, или произволу тѣхъ, которые находятъ пользу сопротивляться мудрымъ законамъ, долженствующимъ по естеству своему учинять выгоды общими для всѣхъ, и противоборствовать тому усилію, отъ котораго оныя стремятся на меньшую часть граждан, полагая съ одной стороны всю силу и благоденствіе, а съ другой всю слабость и нищету. По тысячекратныхъ уже заблужденіяхъ въ необходимѣйшихъ вещахъ для жизни и свободы, утомясь претерпѣвать бѣдствія, до крайности доведенныя, вознамѣриваются они наконецъ загладить безпорядки ихъ угнѣтающіе и познать ощутительнѣйшія истинны, отъ самой простоты своей непримѣтныя для умовъ обыкновенныхъ, не привыкшихъ ни мало вни-

кать въ изслѣдованіе предметовъ, но только заимствующихъ отъ всего впечатлѣнія общія, и которыми сверьхъ того они обязаны одному преданію, а не собственному ихъ разсужденію.

Раскроемъ Исторію, и мы увидимъ, что законы почти всегда были орудіемъ страстей небольшаго числа людей, или произвѣденіемъ случая и текущаго мгновенія, а не плодомъ мудраго наблюдателя природы, старающагося устремлять общенародныя дѣянія къ единственной сей цѣли; то есть: *къ величайшему блаженству, изліянному на превосходнѣйшее число.* Сколь щастливы народы, которые, не ждавъ медлѣнныхъ превратностей сего міра, достигли стези, ведущей ко благу, почти всегда раждающемуся отъ чрезмѣрнаго зла! Сколь щастливы они, ускоривъ сей переходъ заблаговременнымъ учрежденіемъ спасительныхъ законовъ, основанныхъ на мудрой предусмотрительности! И сколь блаженъ Философъ, достойный признательности рода человѣческаго, который изъ уединенія своего дерзнулъ повергнуть давно безплодныя и забвенныя сѣмена полезныхъ истиннъ!

Наконецъ познали справедливыя сношенія владыкъ съ подданными; вліяніе философическихъ истиннъ оживотворило торговлю; благотворные ихъ лучи возжгли между народами распрю промышленности, единую уполномочиваемую разсудкомъ и одобряемую человѣчествомъ. Вотъ какіе плоды произвело сіяніе, озарившее наше столѣтіе. Однако весьма мало вооружались противъ жестокости наказаній и неоснованельности уголовныхъ производствъ; весьма мало разсуждали о сей части законодательства, столь же важной, сколь и не явственной почти во всей Европѣ. Разсѣять заблужденія многихъ вѣковъ, возносясь къ источнику постановленныхъ началъ; остановить злоупотребленіе власти, явственнымъ изображеніемъ извѣстныхъ истиннъ; уничтожить частыя примѣры утвержденныя безчеловѣчіемъ: есть рѣдкій и важный подвигъ. Уже ли вы не могли пробудить судей, сихъ правителей мнѣній человѣческихъ? о вы плачевныя стенанія нещастныхъ, приносимыхъ въ жертву лютому невѣжеству или изобилующей безпечности! уже ли они равнодушно взирали на муки, которыми свирѣпство безполез-

но разитъ за преступленія, не ясно доказанныя или мнимыя? наконецъ, уже ли не содрагались они при видѣ страшныхъ темницъ, гдѣ владычествующій ужасъ усугубляется еще величайшею изъ всѣхъ казней: безызвѣстіемъ?

Безсмертный Монтескіѣ слегка коснулся сего предмета. Я потому слѣдовалъ по лучезарнымъ стопамъ сего великаго человѣка, что истинна одна: но тѣ для кого я пишу, Философы, увидятъ въ чемъ различествуютъ наши разсужденія. Блаженъ! когда подобно ему заслужу сокровенную благодарность вашу, о вы! миролюбивые питомцы разсудка: блаженъ! когда произведу въ чувствительныхъ душахъ сіе сладостное трепетаніе, которымъ отвѣтствуютъ они гласу защитниковъ человѣчества!

§ 1.

Происхожденіе наказаній.

Свободные и разсѣянные по лицу земли, утомленные непрестанными распрями, удрученные сомнительною и потому почти безполезною свободою, люди наконецъ пожертвовали частію оной, дабы спокойно наслаждаться остаткомъ. Образованіе общества долженствовало сопровождаться условіями: вотъ первые законы. Всѣ части свободы, принесенныя въ жертву блага каждаго, составили народную власть, сіе драгоцѣнное хранилище, котораго Монархъ есть стражъ, и законный разпорядитель. Но сіе хранилище было недостаточно: каждый человѣкъ особенно, по свойству самовластительнаго своего духа всегда готовый низвергнуть законы въ первобытной ихъ хаосъ, стремится безпрестанно извлечь изъ общей массы не только часть ввѣренной имъ свободы, но посягаетъ и на части оной другихъ. И такъ, надлежало воспротивиться сему хищенію, надлежало имѣть ощутительныя и довольно могущественныя причины къ укроще-

нію самовластительнаго сего духа: оныя предстали въ наказаніяхъ, изрекаемыхъ противъ закононарушителей. Я говорю, что надлежало имѣть *ощутительныя причины*; ибо опытъ доказалъ, сколь отдалена была толпа отъ принятія основательныхъ правилъ общежитія. Физическій и нравственный міръ всегда наклоненъ къ разрушенію. Усиліе его равномѣрно дѣйствуетъ на общество, и вскорѣ бы уничтожило оное, естьлибъ не умѣли ежеминутно поражать взоры и разумъ народа ощутительными предметами, дабы чрезъ то сдѣлать перевѣсъ живому впечатлѣнію частныхъ страстей, по сущности своей противуположныхъ благу общественному. Всякое другое средство было бы тщетно. Когда страсти возбуждаются предстоящими предметами, тогда краснорѣчіе и израженіе величественныхъ истиннъ, суть для нихъ иго слабое и недолговременное.

Всякое наказаніе, не совершенно нужное, учиняется тиранническимъ, говоритъ великій Монтескію: предложеніе, которое можно болѣе распространить, изображая оное такъ: *каждое дѣйствіе власти, произведенное однимъ человѣкомъ надъ другимъ,*

естъ дѣйствіе тиранническое, естьли оно не совершенно нужно. И такъ необходимость защищать хранилище общенародной безопасности отъ насилія частныхъ людей, есть источникъ права наказывать. Чѣмъ болѣе Монархъ, въ лицѣ котораго оно заключается, доставляетъ свободы своимъ подданнымъ, тѣмъ священнѣе и не нарушимѣе безопасность общественная; и слѣдственно тѣмъ наказанія справедливѣе. Въ сердцѣ человѣческомъ напечатлѣны начальныя основанія права наказывать; и тогда только извлекутъ вѣрную пользу изъ политической нравственности, когда будетъ она утверждаться на неизгладимыхъ человѣческихъ чувствахъ. Всякой законъ, отъ того удаляющійся, подвергается сопротивленію, и принужденъ оному уступить. Такимъ образомъ самомалѣйшая сила непрестанно въ дѣйство приводимая, истребляетъ наконецъ въ тѣлѣ сильнѣйшія движенія.

Кто изъ людей при одномъ видѣ общественнаго блага добровольно жертвуетъ частію своей свободы? Сіи мечты свойственны только романамъ. Каждый изъ насъ къ одному себѣ относитъ всѣ дѣй-

ствія вселенной, и желаетъ, естьли бы только то было возможно избѣгнуть всѣхъ условій, связующихъ другихъ. Хотя размноженіе рода человѣческаго было само по себѣ ограничено, однако оно весьма превосходило средства, которыя природа безплодная и оставленная предлагала людямъ, для удовлетворенія ихъ нуждъ: нужды сіи, сопровождаемыя распрями, часъ отъ часу возраставшими, принудили первыхъ дикихъ соединиться въ общество. Сіи роды обществъ, или лучше сказать, сіи толпы кочевыхъ народовъ, необходимо произвели другія, составившіяся для единаго сопротивленія онымъ; и состояніе войны, коему былъ подверженъ каждый особенно, учинилось общимъ удѣломъ. И такъ одна только необходимость заставила людей пожертвовать частію своей свободы; и то неоспоримо, что каждый хочетъ ввѣрить общественному хранилищу самомалѣйшую часть оной; то есть такую, которая бы обязала другихъ его защищать. Собраніе же всѣхъ самомалѣйшихъ частицъ свободы производитъ право наказывать. Все, отъ сего основанія удаляющееся, есть злоупотребленіе и несправедливость: оное дол-

жно почитать властію *дѣйствія*, а не права. Я замѣчу еще, что *право* не противуположно силѣ, но напротивъ того оно есть одно измѣненіе оной, полезнѣйшее большому числу людей: и я присовокуплю къ тому, что подъ именемъ правосудія разумѣю я необходимый союзъ частныхъ выгодъ, — союзъ столь сильный, что съ размноженіемъ его рушились бы частныя выгоды и возобновилось первобытное состояніе разсѣянности. Сообразно симъ правиламъ, всякое наказаніе, превосходящее нужную мѣру для сохраненія сего союза, было бы по естеству своему несправедливо. Впрочемъ слова правосудія не должно сопровождать понятіемъ очемъ нибудь существенномъ; на пр: значеніемъ силы физической или существа пребывающаго: оное состоитъ въ простомъ разсматриваніи людей, отъ чего по большой части зависитъ общее ихъ щастіе. Я не упоминаю здѣсь о правосудіи Божіемъ, нераздѣльнымъ съ наказаніями и награжденіями будущей жизни.

---

§ 2.

Слѣдствіе.

Первое слѣдстіе начальныхъ сихъ правилъ состоитъ въ томъ, что одни законы могутъ утверждать наказаніе за преступленія, и что право сіе принадлежитъ одному законодателю, представляющему въ лицѣ своемъ цѣлое общество, соединенное взаимнымъ договоромъ. Но какъ каждый судія есть и самъ членъ общественный, то по справедливости, ни одинъ изъ нихъ не можетъ налагать наказанія другому общественному члену, естьли оное не опредѣлено закономъ. То бы дѣйствительно было прибавленіемъ новаго наказанія къ наказанію, уже назначенному: вотъ въ чемъ ни предлогъ блага общественнаго, ни рвеніе къ тому, не должны уполномочивать.

Второе слѣдствіе. Общественный договоръ, обязывая равномѣрно обѣ части, столь же соединяетъ общество съ каждымъ изъ своихъ членовъ, сколь и сіи послѣдніе съ онымъ сопряжены. Сія цѣпь, простирающаяся отъ престола до хижины, и долженствующая быть равною, какъ для сильнѣйшаго, такъ и для слабѣйшаго изъ

людей, означаетъ единственно: что общественная выгода требуетъ соблюденія условій полезнѣйшихъ для провосходнѣйшаго числа людей. Дозволяя нарушить одно изъ оныхъ, отверзаютъ путь къ безначалію. Правило сіе доказываетъ, что Монархъ, представляющій общество, можетъ только издавать общіе законы, требующіе неизключительнаго повиновенія: но онъ не въ правѣ судить нарушителей оныхъ; ибо тогда народъ раздѣлился бы на двѣ части, изъ которыхъ одна представляла бы Монарха, утверждающаго, что договоръ нарушенъ; а другая обвиняемаго, отрицающаго оное. И такъ третій долженъ судить о справедливости дѣла: для чего и нуженъ судья уполномоченный въ опредѣлительныхъ своихъ рѣшеніяхъ и изъявляющій одно подтвержденіе или отрицаніе частныхъ дѣлъ.

Третіе слѣдствіе. Нельзя отрицать, что жестокость наказаній непосредственно противуположна благу общественному и даже предполагаемой ею цѣли, состоящей въ предупрежденіи преступленій. Но согласимся наминуту, что она единственно безполезна, то и тогда равно не совмѣщалась бы она съ симъ просвѣщеннымъ разсудкомъ,

и гораздо болѣе старающимся управлять щастливыми гражданами, нежели владычествовать надъ невольниками, порабощенными лютости уничижительной и робкой: довольно сего къ удостовѣренію, сколь оскорбительна сія жестокость, не только для правосудія, но и для самаго существа общественнаго договора.

---

§ 3.

О толкованіи законовъ.

Четвертое слѣдствіе: и такъ уголовные судьи тѣмъ мѣнѣе имѣютъ права толковать законы о наказаніяхъ, что они сами не законодатели. Законы не суть сѣмейственное преданіе, или духовная, долженствующая быть въ точности выполненная и ввѣренная предками нашими судіямъ. Они получаютъ оные отъ существующаго общества или Монарха, оное представляющаго, какъ отъ законнаго блюстителя настоящаго *состоянія всѣхъ соединенныхъ волѣй.* Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основана истинная и физическая власть законовъ? на обязанности испол-

нять древнія условія. Они не дѣйствительны и не могутъ связывать людѣй несуществовавшихъ. Они несправедливы; ибо претворяютъ мыслящее общество въ ничтожное стадо, лишенное свободы. И такъ основаніемъ власти сей служитъ подразумѣваемая клятва, учиненная Государю всѣми живущими гражданами, и необходимость укрощать и устремлять къ одной цѣли частныя выгоды, отъ внутренняго волненія своего готовыя всегда вредить общему благу. Кто же сообразно сему будетъ истинный истолкователь законовъ? Судія, назначенный единственно разсматривать: такой человѣкъ нарушилъ ли оные или нѣтъ: или Монархъ, хранитель настоящихъ волѣй цѣлаго общества. Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ судія долженъ основываться на совершенномъ соразсужденіи, въ которомъ первое предложеніе, есть общій законъ; вторая посылка; сходственноли дѣйствіе съ симъ закономъ или противуположно оному; заключеніе, содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго. Всякое излишнее разсужденіе произвольно ли или принужденно учиняемое судьею, влечетъ къ сомнѣнію и темности.

Нѣтъ ничего опаснѣе сей аксіомы (*), *надлежитъ въ разсужденіе брать смыслъ или разумъ закона, а не слова.* Отъ сего рушился бы оплотъ, преграждающій стремленіе людскихъ мнѣній: и я почитаю сіе правило истинною доказанною, хотя и не кажется она таковою для большой части людей, которые, занимаясь мгновенными безпорядками, не мыслятъ о слѣдствіяхъ отдаленныхъ, но пагубныхъ; о слѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ ложнаго понятія, господствующаго въ какомъ бы то ни было народѣ.

Всѣ знанія и всѣ наши понятія сопряжены неразрывнымъ союзомъ; чѣмъ онъ сложнѣе, тѣмъ болѣе имѣютъ отношеній и слѣдствій. Каждый не только имѣетъ свой образъ мыслей, но судитъ еще сообразно времени и обстоятельствамъ. И такъ разумъ законовъ былъ бы слѣдствіемъ хорошей или дурной логики судьи; онъ зависѣлъ бы отъ легкаго или тяжелаго варенія его желудка; отъ слабости обвиняемаго, отъ пылкихъ страстей судьи,

(*) Смотри наказъ Ея Императорскаго Величества ЕКАТЕРИНЫ II. страница 50 § 153.

отъ сношенія его съ обиженнымъ; наконецъ отъ всѣхъ ничтожныхъ причинъ, измѣняющихъ внѣшность предметовъ въ непостоянномъ умѣ человѣческомъ. Съ перемѣною судилищъ, зрѣли бы мы превращеніе участи гражданина; жизнь нещастныхъ, зависящую отъ ложныхъ разсужденій и отъ расположенія духа судьи, склоннаго въ ту минуту принять темное слѣдствіе неявственныхъ понятій, колеблющихъ его умъ, вмѣсто истиннаго объясненія закона. То же самое судилище разнообразило бы по временамъ наказанія одинакихъ преступленій, ибо чѣмъ бы внимать непреложному гласу законовъ, оно предавалось бы обманчивой неосновательности истолкованія оныхъ.

Пагубныя неудобности, мною представленныя, могутъ ли сравниться съ мгновеннымъ безпорядкомъ, раждающимся отъ строгаго наблюденія законовъ о наказаніяхъ? Естьли оный безпорядокъ и заставитъ учинить въ подлинникѣ законовъ нѣкоторую перемѣну, столь же легкую сколь и необходимую, то по крайнѣй мѣрѣ онъ предупредитъ неосновательныя разсужденія, сей ядовитой источникъ самопроизвольныхъ и

пристрастныхъ разбирательствъ. Когда опредѣлятъ точное знаменованіе закона; когда ввѣритъ онъ судьѣ одно изслѣдованіе дѣяній гражданъ, дабы рѣшить: сообразуются ли сіи дѣянія съ онымъ или нѣтъ; наконецъ, тогда правило правосудія и не правосудія, сей путеводитель невѣжи равно какъ и философа, не къ спорамъ, но къ дѣлу будетъ относиться: тогда уже подданные не отягчатся ярмомъ сонма ничтожныхъ тирановъ; тогда не будутъ они страшится сего раздѣленнаго деспотизма, (стократъ опаснѣйшаго самовластія одного; по тому что тиранство бываетъ не столь жестокимъ отъ собственной своей силы, сколь отъ встрѣчающихся ему преградъ; потому что оно тѣмъ нестерпимѣе, чѣмъ ближе утѣснитель къ утѣсненному; тѣмъ продолжительнѣе, ибо перемѣняя непрестанно иго, зрѣлибъ въ деспотизмѣ одного единое убѣжище отъ раздѣленнаго тиранства. При точномъ исполненіи законовъ о наказаніяхъ, гражданинъ будетъ жить спокойно подъ сѣнію общественной безопасности; онъ насладится плодомъ соединенія людей въ общество, что и справедливо; онъ возможетъ вѣрно исчислить всѣ неудобности

дурнаго дѣйствія; что безъ сомнѣнія полезно. Я согласенъ, что онъ получитъ нѣкоторой духъ независимости, однако не менѣе будетъ подвластенъ вождямъ и законамъ, и только противъ тѣхъ будетъ упоренъ, которые дерзнули назвать священнымъ именемъ добродѣтели, слабость, раболѣпствующую мнѣніямъ, произтекшимъ отъ своенравія и корысти. Я чувствую, что такія правила не понравятся второстепейнымъ деспотамъ, присвоившимъ себѣ право угнѣтать своихъ подчиненныхъ бременемъ той власти, которая ихъ самихъ подавляетъ, и я конечно могъ бы многаго опасаться, естьлибъ самовластительный духъ былъ совмѣстенъ съ охотою къ чтенію.

---

§ 4.

Темность законовъ.

Естьли пагубно истолкованіе законовъ, то безъ сомнѣнія еще болѣе произойдетъ зла отъ темности оныхъ, ибо тогда истолкованіе будетъ для нихъ необходимо; но зло сіе еще умножится, естьли они не

написаны простымъ нарѣчіемъ. Въ такомъ случаѣ народъ поработится небольшему числу хранителей закона, которые будутъ нѣкоторымъ тайнымъ прорицалищемъ; между тѣмъ, какъ жребій жизни и свободы гражданъ долженствовалъ бы изображаться въ книгѣ, могущей соотвѣтствовать понятію каждаго и быть въ общемъ употребленіи. Но сей обычай владычествуетъ почти въ цѣлой Европѣ, сей части свѣта, столь нынѣ образованной и просвѣщенной. Разсуждая о семъ злоупотребленіи, какъ должно мыслить о людяхъ? Краснорѣчіе страстей, вспомоществуемое невѣжествомъ и неизвѣстностію наказаній, всегда дѣйствуетъ убѣдительно. Сдѣлайте священное уложеніе законовъ общимъ для всѣхъ, и чѣмъ болѣе оное будутъ читать и понимать, тѣмъ менѣе будетъ преступленій. Изъ сихъ послѣднихъ разсужденій явствуетъ, что безъ собранія написанныхъ законовъ, никакое общество не могло бы воспріять твердаго образа правленія, гдѣ сила пребываетъ въ цѣломъ, а не въ частяхъ, и въ которомъ непреложные законы съ общаго только согласія народа измѣнялись бы отъ частныхъ выгодъ.

Опытъ и разумъ доказали сколь ослабѣвали вѣроятность и основательность преданій человѣческихъ, по мѣрѣ отдаленія ихъ отъ источника своего. Слѣдовательно, естьли нѣтъ непоколебимаго памятника общественнаго договора, то можно ли надѣяться, чтобъ законы всегда сопротивлялись властительному противоборствію времени и страстей?

Вотъ что доказываетъ намъ пользу книгопечатанія. Посредствомъ онаго не только нѣкоторые частные люди, но и все общество учиняется блюстителемъ священнаго хранилища законовъ. Оно разсѣяло сей мрачный духъ кромоловъ и происковъ, всегда изчезающій предъ свѣтильникомъ наукъ, и который подъ личиною презрѣнія къ нимъ страшится ихъ. Естьли мы теперь зримъ въ Европѣ менѣе сихъ ужасныхъ преступленій, поражавшихъ нашихъ отцовъ, естьли подобно предкамъ нашимъ, не колеблемся непрестанно между состояніемъ рабовъ и тирановъ; то онымъ мы единственно обязаны книгопечатанію. Воззримъ на исторію двухъ или трехъ вѣковъ, и нашего столѣтія, и мы увидимъ, что въ нѣдрахъ роскоши и нѣги,

возсіяли кроткія добродѣтели, благотворительность, человѣколюбіе, терпимость: а напротивъ того, что было плодомъ праводушія и мнимой древней простоты? народъ находилъ въ дворянствѣ однихъ только утѣснителей и тирановъ. (*) Плачевное человѣчество стонало подъ игомъ неукротимаго суевѣрія; корысть и тщеславіе обагряли кровію чертоги вельможей, и престолы Царей; повсюду свирѣпствовало тайное вѣроломство и явное убійство. Наконецъ, дланями, еще дымящимися отъ кровопролитія, поборники истинны дерзали представлять взорамъ народа Бога мира и благости! Возстающіе противъ мнимаго развращенія нашего вѣка, могутъ ли найти въ немъ столь ужасное изображеніе?

(*) Сочинитель упоминаетъ здѣсь о временахъ Ѳеодальнаго или помѣщечьяго правленія, столь часто сопротивлявшагося благонамѣренности нѣкоторыхъ Французскихъ Королей. Правленіе сіе весьма сходствующее съ *Охлократіею*, то есть: съ правленіемъ толпы, уничтожилось во время крестовыхъ походовъ; когда по словамъ Княжны *Анны Каминской*, *вся Европа отторгшись отъ основанія своего, стремилась опровергнуться на Азію.* Пер:

§ 5.

Соразмѣрность преступленій и наказаній.

Выгода общественная состоитъ не только въ томъ, чтобы не учинять преступленій; но еще и въ томъ, чтобы они были рѣже, по мѣрѣ частаго нарушенія законовъ. И такъ вредъ, наносимый оными благу общественному, и причины къ нему влекущія, должны быть имъ мѣрою обузданія противуполагаемаго онымъ: и такъ должна существовать соразмѣрность въ преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Тщетно восхотѣли бы предупредить всѣ безпорядки, раждающіеся отъ непрестаннаго волненія страстей человѣческихъ. Безпорядки сіи возрастаютъ въ отношеніи къ многолюдству и противоборствованію частныхъ выгодъ благу общественному, къ которому не возможно всегда направлять оныя геометрически. И такъ надлежитъ укрощать опаснѣйшія злодѣянія наказаніями жесточайшими, а для маловажнѣйшихъ предоставлять не столь суровыя. Особенно нужно всегда помнить, что въ политической ариѳметикѣ надлежитъ замѣнять изчисленіемъ

возможностей, точность математическую, съ оными несовмѣстную. Вникнувъ въ лѣтописи міра, увидятъ, что во всѣхъ державахъ съ разпространеніемъ ихъ предѣловъ, возрастаютъ безпорядки, ослабѣваетъ народный духъ и усугубляется наклонность къ преступленію, соотвѣтственно выгодѣ, находимой каждымъ въ нѣдрахъ неустройствъ. Тогда необходимость увеличивать наказанія послѣдуетъ равной прогрессіи.

Подобно тяготѣнію тѣлъ, мы всегда влечемся къ нашему благосостоянію тайною силою, слабѣющею отъ препонъ, ей противуполагаемыхъ. Всѣ дѣйствія людей суть знаменія сего влеченія, и наказанія, которыя наименую я *политическими преградами*, хотя и сопротивляются пагубнымъ слѣдствіямъ ихъ противоборствія, однако не истребляютъ тѣмъ причины съ человѣчествомъ нераздѣльной. Равно искусному зодчему, законодатель занимается въ одно время ограничиваніемъ разрушительныхъ силъ тяготѣнія и совокупленіемъ тѣхъ, которыя могутъ споспѣшествовать къ прочности сданія.

Утвердивъ соединеніе людей и усло-

вія, необходимо проистекающія отъ самой противуположности частныхъ выгодъ, мы найдемъ умаляющуюся прогрессію безпорядковъ, первымъ членомъ оной будутъ преступленія, непосредственно клонящіяся къ разрушенію общества, а послѣднимъ легчайшая изъ всѣхъ возможнымъ несправедливостей одному изъ членовъ его учиненная, средними членами будутъ всѣ дѣйствія противуположныя благу общественному и именуемыя преступленіями, начиная отъ виновнѣйшаго изъ оныхъ до того, которое не столь виновно. Прогрессія сія требовала бы равнаго соотвѣтствія въ наказаніяхъ, естьлибъ геометрія могла примѣняться ко всѣмъ ничтожнѣйшимъ и тайнымъ соображеніямъ нашихъ дѣяній; но для мудраго законодателя довольно означить постепенности того и другаго, не нарушая порядка оныхъ. Двѣ подобныя прогрессіи сообщили бы намъ общую и явственную мѣру постепенностей тиранства и свободы, человѣколюбія и и злобы каждаго народа; онѣ бы также опредѣлили истинныя границы, внѣ которыхъ никакое дѣйствіе не можетъ назваться ни преступленіемъ, ни наказываться

подобно оному развѣ въ такомъ случаѣ, когда нѣкоторые найдутъ въ томъ частную свою выгоду. Опредѣливъ сіи границы, мы согласилибъ нравственность народа съ ихъ законодательствомъ. Мы не зрѣлибъ въ одной и той же странѣ и въ одно время законовъ совершенно между собою противуположныхъ; размноженіе законовъ не налагало бы на человѣка добродѣтельнаго жесточайщихъ наказаній; слова, порока и добродѣтели не были бы уже суетными значеніями; наконецъ сомнительное существованіе гражданъ не подвергало бы уже политическія тѣла пагубному и тяжкому бездѣйствію. Обозрѣвъ философическимъ окомъ лѣтописи народовъ, увидятъ, что значеніе порока и добродѣтели, гражданинъ добрый и виновный, почти всегда подвергались превратности столѣтій и вмѣстѣ съ ними разнообразились. Но сія перемѣна не причастна той, которая произойдетъ въ государствѣ сообразно общей выгодѣ; она будетъ слѣдствіемъ страстей и постепенныхъ заблужденій различныхъ законодателей. Познаютъ, что страсти одного вѣка служатъ часто основаніемъ нравственности вѣковъ, ему послѣ-

дующихъ, и что сильныя страсти, дщери изувѣрства и изступленія, мало по малу образуютъ мудрость столѣтія и учиняются полезнымъ орудіемъ въ рукахъ искусства и власти, когда время, приводящее къ истинному равновѣсію произшествія физическія и нравственныя, умѣряетъ ихъ вліяніе. Вотъ источникъ темныхъ понятій о чести и добродѣтели; я говорю, темныхъ; ибо онѣ измѣняются съ временемъ, замѣняющимъ именами вещи, и потому, что они разнобразятся съ рѣками и горами, раздѣляющими области и производятъ то, что нравственность, равно державамъ, пріемлетъ географическія границы.

Естьли удовольствіе и болѣзнь суть величайшія содѣйствователи чувствительныхъ существъ; естьли изъ всѣхъ причинъ управляющихъ людьми, Божественный законодатель почелъ наказанія и награжденія могущественнѣйшими средствами; то сіи средства, неправильно раздѣленныя, возродятъ противурѣчіе столь же неощутительное, сколь и частое: ибо преступленія будутъ наказаны истязаніями, ихъ произведшими. Естьли равное наказаніе назначено двумъ дѣйствіямъ, не равно ос-

корбляющимъ общество, то никакая препона не укротитъ людей учинять то, которое будетъ для нихъ выгоднѣе, хотя бы оно по существу своему и виновнѣе было.

---

§ 6.

Заблужденіе въ мѣрѣ наказаній.

Изъ предшествовавшихъ разсужденій явствуетъ, что истинная мѣра преступленій, есть вредъ причиняемый оными народу, а не намѣреніе виновнаго, какъ думали нѣкоторые писатели весьма неосновательно. Намѣреніе зависитъ отъ впечатлѣній, раждаемыхъ предстоящими предметами, и предшествовавшимъ расположеніемъ души; ибо впечатлѣнія разнообразятся во всѣхъ людяхъ и въ каждомъ изъ нихъ по мѣрѣ стремительной постепенности ихъ мыслей, страстей и обстоятельствъ. И такъ, тогда бы нужно было особенное уложеніе для каждаго гражданина, и новые законы для всякаго преступленія. Иногда зломыслящій гражданинъ доставляетъ чрезмѣрные выгоды обществу,

между шѣмъ какъ оно страждетъ отъ ударовъ наносимыхъ благонамѣреннѣйшею рукою.

Другіе заключаютъ о важности преступленій, не столько въ отношеніи ихъ къ благу общественному, сколько къ достоинству оскорбленнаго лица. Согласясь однажды въ семъ правилѣ, малѣйшая погрѣшность противъ Вышняго Существа будетъ наказываться гораздо строже цареубійства; ибо тогда величіемъ Божественнаго естества замѣнялось бы различіе обиды. —

Наконецъ нѣкоторые думали, что мѣра преступленія соотвѣтственна мѣрѣ грѣха, и что важность одного сопровождается важностію другаго. Разсуждающій хладнокровно о взаимныхъ сношеніяхъ людей и о сношеніяхъ ихъ съ Божествомъ, вскорѣ увидитъ несправедливость сего мнѣнія. Первыя, суть сношенія равенства: ибо одна только необходимость изъ боренія страстей и сопротивленія частныхъ выгодъ, извлекла понятіе о общей пользѣ, или о семъ первоначальномъ источникѣ правосудія человѣческаго. Другія напротивъ того суть сношенія зависимости, связующія насъ съ Существомъ совершеннымъ и зиж-

дительнымъ, съ Существомъ, могущимъ по волѣ своей быть совокупно законодавцемъ и судіею; и сіе право предоставило оно одному только себѣ. Естьли оно осуждаетъ къ вѣчнымъ наказаніямъ закононарушителей его всемогущества, то какое отважное насѣкомое дерзнетъ замѣнять правосудіе Божественное, вооружась мечемъ Существа, удовлетворяющагося самимъ собою, непричастнаго ни какому впечатлѣнію удовольствія и скорби и которое одно изъ всѣхъ существъ въ дѣйствіи своемъ чуждо всякаго противудѣйствія. Отъ злобы сердечной зависитъ важность грѣха: и такъ ограниченные существа, съ помощію только откровенія измѣряющія сію бездну возмогутъ ли опредѣлить степень наказаній, которые бы такимъ образомъ основывались на неизвѣстномъ изчисленіи? тогда можетъ быть дерзалибъ мы въ то время наказывать, когда бы Богъ прощалъ, а прощать когдабы онъ наказывалъ. Естьли люди нарушаютъ законъ божества оскорбляя оное, то сколь чаще будутъ они тому подвергаться, воспринимая на себя трудъ за него мстить!

---

§ 7.

Раздѣленіе преступленій.

Мы уже согласились, что точная мѣра преступленія состоитъ во вредѣ, наносимомъ онымъ обществу. Сія истинна хотя и заключается въ числѣ тѣхъ истиннъ, которыя вразумительны всѣмъ и не требуютъ для ясности своей пособія наукъ, но по удивительному стеченію обстоятельствъ, сокрыты отъ всѣхъ вѣковъ и отъ всѣхъ народовъ, и извѣстны только нѣкоторому числу философовъ. Мнѣнія Азіатскія, страсти усиленныя властію и могуществомъ, истребили простыя понятія, относившіяся можетъ быть къ философіи младенчествующихъ обществъ. Онѣ почти всегда сіе производили непримѣтнымъ своимъ вліяніемъ на толпу, а иногда сильнымъ впечатлѣніемъ на легковѣрность человѣческую: но кажется, что первоначальныя правила нынѣ опять возникаютъ: подкрѣпляемые опытностію и просвѣщеніемъ, онѣ займутъ новыя силы отъ встрѣчающихся имъ препонъ, и наконецъ повсюду воцарятся.

Вотъ случай изслѣдовать и отличить различные роды преступленій и образъ оныя наказывать; но естество ихъ столь разнообразится по временамъ и мѣстамъ, что подробность о томъ была бы столь же пространна, сколь и утомительна. И такъ я ограничиваюсь означеніемъ общихъ правилъ и заблужденій, которыя обыкновеннѣе и вреднѣе прочихъ. Помощію сего я опровергну заблужденія тѣхъ, которые по неосновательной любви къ свободѣ или хотятъ ввесть безначаліе, или учредить въ обществѣ монастырской порядокъ.

Нѣкоторыя преступленія непосредственно наклонны къ низверженію общества, или лица, оное изображающаго. Нѣкоторыя вредятъ частной безопасности гражданъ, ополчаясь на ихъ жизнь, имущества и честь. Другія суть дѣйствія несогласныя съ тѣмъ, что законъ предписалъ или запретилъ, предполагая цѣлію благо общественное. Первыя, по тому важнѣйшія, что онѣ вреднѣе прочихъ, и именуются преступленіями противъ народа. Одно только невѣжество и тиранство, смѣшивающія явственнѣйшія слова и понятія, могутъ симъ именемъ назвать преступленія, съ

оными несовмѣстныя ; подвергать ихъ одинакому наказанію, и такимъ образомъ, равно какъ и въ тысячи другихъ случаяхъ, приносить людей въ жертву одного слова. Всѣ преступленія, хотя и частныя, оскорбляютъ общество, но не всѣ непосредственно къ разрушенію его клонятся. Подобно всѣмъ движеніямъ природы, стѣсненнымъ въ границахъ пространства и времени, дѣйствія человѣческія равно физическимъ имѣютъ свои предѣлы; и такъ одно искуство гибельныхъ толкованій обыкновенной философіи рабства, можетъ смѣшивать то, что вѣчная истинна ознаменовала непреложными сношеніями.

Потомъ слѣдуютъ преступленія нарушающія безопасность каждаго гражданина: ибо безопасность есть первая цѣль всякаго законнаго сословія; а дѣйствія оному вредящія заслуживаютъ строжайшее наказаніе законовъ.

Каждый гражданинъ можетъ дѣлать все то что согласно съ закономъ не опасаясь иныхъ неудобностей, кромѣ тѣхъ, которыя отъ самаго дѣйствія произходятъ. Необходимо должно, чтобы сіе политическое мнѣніе впечатлѣвалось въ умы;

чтобъ судьи возвѣщали его, и чтобъ законы оное сохраняли; ибо безъ священнаго сего мнѣнія, никакое законное общество не могло бы существовать: и люди ограничиваемые сперьва одною силою судей лишились бы плода, которой чаяли они получить отъ учиненной ими жертвы, на обладаніе всей природы, общей для всѣхъ чувствительныхъ существъ. Сіе мнѣніе образуя души свободныя и мужественныя, производитъ безсмертныхъ геніевъ; оно внушаетъ людямъ непоколебимую добродѣтель, превышающую всякой страхъ а не то ничтожное благоразуміе, которое ко всему примѣняется: свойство достойное только того кто можетъ переносить бытіе не надежное и смущенное.

И такъ покушенія на свободу и безопасность гражданъ, суть въ числѣ величайшихъ преступленій: въ отдѣленіи семъ заключаю я не только убійства и кражи, учиненныя народомъ, но еще производимыя вельможами и судьями, которые содѣйствуя на обширнѣйшее пространство и съ большею силою, уничтожаютъ въ разумѣ народа, понятія о правосудіи и одолжности, замѣняя оныя правомъ сильно:

правомъ столь же гибельнымъ для тѣхъ, кто онымъ пользуется, сколь и для того, кто оному подверженъ.

---

§ 8.

О чести.

Мы видимъ весьма примѣчательное несогласіе въ законахъ гражданскихъ, особенно занятыхъ сохраненіемъ имуществъ и жизни каждаго гражданина, и въ законахъ такъ называемыхъ чести предпочитающей всему мнѣніе. Слово честь есть одно изъ тѣхъ словъ, о которыхъ много и великолѣпно разсуждали, но всегда безъ основанія. По нещастному своему жребію, умъ человѣческій съ точностію познаетъ перемѣны тѣлъ небесныхъ, сколь не отдалены онѣ отъ него, между тѣмъ какъ не можетъ усмотрѣть и опредѣлить ближайшихъ и важнѣйшихъ понятій о нравственности, которыя, носясь произвольнымъ вихремъ страстей, установляются совокупно невѣжествомъ и пріемлются заблужденіемъ. Сіе мнѣніе не будетъ уже парадоксомъ, когда разсмотрятъ, что подобно предметамъ, смѣшивающимся въ глазахъ

нашихъ отъ близости своей къ намъ, и нравственныя начала теряютъ явственность свою отъ тѣснаго ихъ съ нами союза. Безчисленность и сложность простыхъ понятій, составляющихъ тѣ начала весьма часто отдаляютъ отъ взора нашего раздѣлительную черту, необходимую для разума геометрическаго, дабы измѣрять знаменованія человѣческой чувствительности. Впрочемъ мудрой наблюдатель природы не удивится моимъ разсужденіямъ и догадается что для щастія и спокойствія людей можетъ быть ненужно толикихъ оковъ и столь блистательнаго изображенія нравственности.

И такъ понятіе о чести, есть понятіе сложное и составленное не только изъ многихъ простыхъ идей, но еще и изъ многихъ понятій сложныхъ, которыя представляясь въ различныхъ видахъ, одобряютъ или изключаютъ нѣкоторыя изъ началъ ихъ, сохраняя однѣ только общія основанія, подобно многимъ сложнымъ алгебрическимъ количествамъ, пріемлющимъ общаго дѣлителя. Чтобы сыскать общаго сего длителя. между различными понятіями людей о чести, надлежитъ обратиться мысленно къ происхожденію обществъ.

Нообходимость исправить физическіе безпорядки самовластительства каждаго человѣка особенно: есть источникъ законовъ и судей. Вотъ причина учрежденія обществъ, составляющая истинное или мнимое основаніе всѣхъ законодательствъ, даже и разрушительныхъ. Но отъ сближенія людей и успѣховъ ихъ познаній, возникла постепенность дѣяній и взаимныхъ нуждъ, непредвиденныхъ закономъ, и которыя простерлись за границы настоящей власти каждаго. Вотъ эпоха деспотизма мнѣнія, сего единственнаго средства къ полученію отъ другихъ блага, недоставляемаго законами, и къ отдаленію отъ себя бѣдствій, отъ которыхъ не могли они насъ предохранить. Казнь равно для мудраго, какъ и для народа, мнѣніе претворяетъ злодѣя въ проповѣдника, когда находитъ онъ въ томъ выгоду свою; оно умѣло усилить призракъ добродѣтели къ ущербу самой добродѣтели. Подъ державою его, одобренія людей учинились не только полезными, но даже и необходимыми, чтобъ быть на одной чредѣ совсѣми. Честолюбецъ изыскивалъ оныя по тому, что считалъ ихъ нужными для своей цѣли; тще-

славный выпрашивалъ ихъ, чая обрѣсти въ нихъ свидѣтельство своего достоинства: благородный человѣкъ требовалъ ихъ для себя, ибо считалъ оныя необходимыми. Честь сія по мнѣнію многихъ людей не раздѣльная съ ихъ бытіемъ, по составленіи только обществъ стала извѣстна. И такъ ее нельзя было ввѣрить общему хранилищу, и она есть одно только скоротечное обращеніе къ состоянію природы, обращеніе, освобождающее насъ на минуту отъ законовъ, которые не покровительствуютъ намъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ.

Отъ сюда слѣдуетъ, что въ чрезмѣрной политической свободѣ, равно какъ и въ чрезмѣрной зависимости, понятія о чести изчезаютъ или смѣшиваются съ другими. Въ первомъ случаѣ деспотизмъ законовъ вмѣняетъ ни вочто согласіе другихъ; во второмъ деспотизмъ людей, уничтожающій существованіе гражданское, составляетъ каждому одну только личность не надежную и скоротечную. И такъ честь заключается только въ числѣ правилъ Монархій, знаменующей въ себѣ умягченное самовластіе, и она для нихъ

есть то же, что перемѣны для деспотическихъ правленій. Подданный на одинъ мигъ вступаетъ въ состояніе природы, и властелинъ воспоминаетъ о первобытномъ равенствѣ.

---

§ 6.

О дуеляхъ.

Не обходимость въ постороннемъ мнѣніи произвела поединки, установившіеся въ нѣдрахъ безначалія законовъ. Думаютъ, что они по двумъ причинамъ не были извѣстны древнимъ: во первыхъ отъ того, что они не собирались вооруженными, ни въ храмы, ни въ театры, ни къ друзьямъ, а во вторыхъ отъ того, что какъ дуель была зрѣлищемъ общимъ и обыкновеннымъ, представляемымъ народу рабами, то свободные люди опасались за таковые сраженія прослыть бойцами. Но тщетно старались укротить дуели смертною казнію; она не истребитъ привычки, основанной на томъ, что для нѣкоторыхъ людей страшнѣе самой смерти. Лишенный уваженія другихъ, человѣкъ благородный учинился бы существомъ уединеннымъ и сія

столь жестокая участь для всякаго общежительнаго созданія, въ которой былъ бы онъ жертвой посмѣянія и позора, день отъ дня угнѣтая его болѣе сдѣлалась бы для него наконецъ лютѣе смерти. Отъ чего народъ весьма рѣдко подражаетъ вельможамъ въ дуеляхъ? Сіе происходитъ не только отъ того что онъ не вооруженъ, но еще и отъ того, что для него мѣнѣе нужно почтеніе другихъ, нежели для тѣхъ, которые находясь на превосходнѣйшей степени почестей, исполнены другъ къ другу большею недовѣрчивостію и завистію.

Здѣсь нужно повторить, что по мнѣнію многихъ писателей, лучшій способъ предупредить дуели состоитъ въ показаніи обидчика, то есть въ наказаніи зачинщика. Сверьхъ того нужно объявлять невиннымъ принужденнаго къ тому, не вмѣняя ему въ преступленіе защиту того, что непокровительствуется законами, а именно мнѣнія; и доказать его согражданамъ, что онъ страшился однихъ только законовъ, а не людей.

---

§ 10.

О спокойствіи общественномъ.

Изъ числа преступленій третьяго рода, отличествуютъ особенно тѣ, отъ которыхъ возмущается общественная безмятежность и спокойствіе гражданъ; какъ то; отъ колокольнаго звону и бою барабаннаго, назначенныхъ для нѣкоторыхъ общенародныхъ производствъ и отъ рѣчей возмутительныхъ, весьма способныхъ воспалять страсти любопытной черни; отъ рѣчей коихъ дѣйствіе умножается по мѣрѣ числа слушателей, а еще болѣе отъ изступленія мрачнаго и таинственнаго, несравненно сильнѣйшаго всѣхъ спокойныхъ разсужденій, никогда не дѣйствующихъ на толпу.

Освѣщать города во время ночи на щотъ общесшвенной, разпредѣлять стражи по различнымъ мѣстамъ города, предоставить безмолвію и священному спокойствію храмы, покровительсшвуемые правленіемъ; слова простыя и нравственыя о вѣрѣ; позволять произносить рѣчи въ однѣхъ только народныхъ собраніяхъ, въ парламентахъ, на конецъ въ мѣстахъ оз-

наменованныхъ величіемъ владыки, и назначать ихъ всегда къ поддержанію общественныхъ и частныхъ выгодъ: вотъ несомнѣнныя средства предупреждать опасныя волненія народныхъ страстей. Сіи средства заключаются въ числѣ важнѣйшихъ предметовъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія начальника благочинія. Но естьли онъ не дѣйствуетъ сообразно законамъ, извѣстнымъ каждому гражданину; естьли на противъ того онъ издаетъ оные по своему произволу, то подобное злоупотребленіе откроетъ врата тиранству, чудовищу, не усыпно бодрствующему на предѣлахъ свободы политической. Никакого изключенія не нахожу я въ общей сей аксіомѣ: что всякой Гражданинъ долженъ вѣдать, когда онъ виновенъ и когда правъ. Правленія, требующее ценсоровъ или вообще самовластительныхъ судей, изъявляетъ слабость постановленія, и недостатки своего образованія. Свирѣпость общественная, болѣе возмущающая умы нежели уничтожающая оные, не столько поглотила жертвъ сколько сомнительный жребій людей предалъ оныхъ въ добычу сокровенному тиранству. Истинный тиранъ начинаетъ владычест-

во свое надъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ предупреждаетъ онъ дѣйствіе мужества, воспалявшагося только жаромъ истинны и страстей и извлекающаго новыя силы изъ невѣдѣнія опасности.

Но какія опредѣлятъ наказанія для вышесказаннаго рода преступленій? Дѣйствительно ли смертная казнь полезна и необходима къ утвержденію общественнаго спокойствія, и къ сохраненію благоустройства? Пытка и мученія справедливы ли! Достигаютъ ли онѣ цѣли предполагаемой законами? Какое лучшее средство предупреждать преступленія? Равномѣрно ли полезны одинакія наказанія во всѣ времена? Какое вліяніе имѣютъ онѣ на нравы? Сія задача заслуживаетъ точнаго Геометрическаго рѣшенія разсѣивающаго мракъ лжемыслія, мечту витійства, и робкое сомнѣніе. Я и тогда почту себя щасливымъ, естьли только удостоюсь представить Италіи въ обширнѣйшемъ видѣ, то, о чемъ многіэ народы дерзали писать и начинаютъ исполнять.

Но естьли поддерживая священныя права человѣчества, естьли вознося голосъ мой въ защиту не преоборимой истинны, споспѣшествовалъ я къ исторженію изъ че-

люстей смерти нѣкоторыхъ нещастныхъ жертвъ тиранства и невѣжества, не рѣдко столь же ужаснаго сколь и первое: благословеніе и слезы одного невиннаго проливающаго ихъ въ восторгахъ радости, утѣшутъ меня за презрѣніе людей!

---

§ 11.

Цѣль наказаній.

Изъ израженныхъ доселѣ истиннъ, явствуетъ что цѣль наказаній не въ томъ состоитъ, чтобы мучить и оскорблять существо чувствительное, ниже въ томъ, чтобы уничтожать силу учиненнаго преступленія. Безполезная жестокость, сіе пагубное орудіе лютости и изувѣрства, или слабости тирановъ, можетъ ли быть принята такимъ политическимъ тѣломъ, которое не только не дѣйствуетъ по влеченію страстей, но еще предполагаетъ себѣ предметомъ укрощенія оныхъ и въ другихъ? Думаютъ ли, что вопли нещастныхъ вызываютъ изъ прошедшаго не возвратное, то есть, дѣйствіе уже учиненное. Нѣтъ, цѣль наказанія состоитъ единственно въ томъ, чтобы препятство-

ваπь виновному вновь вредиπь обществу и отвращать сограждань его оть поползновенія кь равнымь преступленіямь. И такь между наказаніями и образомь возлагать оныя, надлежить избирать тоть образь, которой бы вь соразмѣрности своей производиль на умь человѣческій впечатлѣніе сильнѣйшее и продолжительнѣйшее, но нестоль жестокое на умь преступника.

---

§ 12.

О свидѣтеляхъ.

Не обходимо нужно вь каждомь мудромь законодательствѣ, совершенно опредѣлить надлежащую степень имовѣрности кь свидѣтелю и потребныя доказательства для утвержденія преступленія. Всякой мыслящій человѣкь; то есть, человѣкь, имѣющій нѣкоторую связь вь своихь понятіяхь и котораго ощущенія сообразуются сь ощущеніями другихь, можеть быть принять вь свидѣтели. Истинною мѣрою довѣренности кь нему должна служить выгода его. И такь я почитаю неосновательнымь *до-*

водъ, возбраняющій свидѣтельство женщинъ, въ разсужденіи ихъ слабости; я отношу къ несправедливости, примѣненіе дѣйствій смерти существенной къ смерти гражданской осуждаемыхъ людей; и знакъ безчестія въ тѣхъ, которые оному подверглись когда они не имѣютъ причины лгать. Слѣдственно имовѣрность свидѣтеля уменшается по мѣрѣ его ненависти или дружбы къ виновному и помѣрѣ сношеній его съ нимъ. — Одинъ свидѣтель недостаточенъ: ибо когда невинный отрицаетъ утверждаемое обвинителемъ, тогда нѣтъ ничего вѣрнаго и предположеніе невинности превозмогаетъ. Чѣмъ преступленіе ужаснѣе и невѣроятнѣе какъ напр: волшебство или дѣянія безъ всякой причины неистовыя; тѣмъ свидѣтель сомнительнѣе.

Негораздали вѣроятнѣе, что многіе люди клевещутъ отъ невѣжества или отъ ненависти, нежели то, что человѣкъ пользуется властію, не предоставленною ему Богомъ, или которую онъ уже не поручаетъ болѣе существамъ ему подвластнымъ? Подобно сему надлежитъ основывать на ясныхъ только доказательствахъ обвиненіе жестокости совершенно безполезной:

ибо люди влекутся къ лютости одною выгодою, ненавистью и страхомъ. Въ сердцѣ человѣческомъ нѣтъ никакого излишняго ощущенія. Онѣ всѣ суть слѣдствія тѣхъ впечатлѣній, которыя предметы производятъ надъ чувствами и соразмѣрны съ ними. Степень довѣренности, заслуживаемой свидѣтелемъ, также уменьшается, когда сей свидѣтель есть членъ частнаго общества, котораго обычай и правила мало извѣстны, или отличествуютъ отъ общенароднаго обыкновенія. Такой человѣкъ не только имѣетъ свои страсти; но еще причастенъ и страстямъ другихъ.

Наконецъ касательно рѣчей вмѣняемыхъ въ преступленіе, свидѣтельство почти совершенно теряетъ свою силу. И дѣйствительно, голосъ, движеніе и все предшествовавшее и послѣдовавшее различнымъ понятіямъ, которыя приписываютъ словамъ, столь измѣняютъ и разнообразятъ рѣчи человѣка, что почти невозможно повторить ихъ съ точностію. Сверхъ того дѣйствія стремительныя и не обычайныя, дѣйствія, подобныя истиннымъ преступленіямъ, сами собою оставляютъ слѣды во множествѣ обстоятельствъ ихъ со-

провождавшихъ, или въ слѣдствіяхъ отъ нихъ происшекшихъ. Но слова не изчезаютъ: правда, онѣ могутъ напечатлѣться въ памяти почти всегда невѣрной, а часто и обманутой. И такъ несравненно легче основать клевету на словахъ, нежели на дѣяніяхъ: ибо чѣмъ болѣе приводятъ обстоятельствъ для доказательства дѣйствій, тѣмъ болѣе обвиненный находитъ средствъ къ своему оправданію,

---

§ 13.

О примѣтахъ и о образѣ рѣшеній.

Вотъ общая теорема, весьма полезная для исчисленія вѣроятности дѣла: то есть сила примѣтъ преступленія. Во первыхъ, когда доказательства дѣла такъ совокуплены между собой, что примѣты доказываются одна другою; то явственность онаго, тѣмъ невѣроятнѣе, чѣмъ болѣе обстоятельства, ослабляя доказательства предшествовавшія, ослабляютъ послѣдующія. Во вторыхъ, когда доказательства относящіяся къ дѣлу, всѣ непосредственно отъ одного зависятъ, то отъ

числа их ни мало ни прибавляется, ни уменьшается явственность сего дѣла: ибо онѣ въ совокупности своей не перевѣшиваютъ владычествующихъ надъ ними обстоятельствъ.

Наконецъ, когда доказательства не зависимы между собой, то есть: когда примѣты не имѣютъ нужды подкрѣпляться взаимнымъ союзомъ, тогда явственность дѣла умножается по мѣрѣ числа доказательствъ, изъ коихъ нѣкоторая часть можетъ быть ложною, не повреждая однако тѣмъ вѣроятности другихъ. Слово вѣроятность въ изслѣдованіи о преступленіяхъ, требующихъ не сомнѣнной утвердительности для наказанія, покажется здѣсь не умѣста: однако оно не будетъ порадоксомъ для того, кто захочетъ разсмотрѣть, говоря въ строжайшемъ смыслѣ, что нравственная точность есть одна только вѣроятность, однако дѣйствительно заслуживающая имя вѣроятности, ибо всякой здраво-мыслящій человѣкъ принужденъ на то согласиться по нѣкоторой привычкѣ, рожденной отъ самой не обходимости дѣйствовать и предшествовавшей всякому умозрѣнію. Потребная же

вѣроятность къ убѣжденію виновнаго, есть та же самая, которая подвигаетъ людей къ рѣшительности въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Доказательства преступленія можно раздѣлить на *совершенныя* и *несовершенныя*. Однѣ изключаютъ возможность невинности обвиняемаго, а другія не изключаютъ того: довольно одного доказательства изъ первыхъ для учиненія приговора; но надобно чтобъ другія были въ достаточномъ числѣ для составленія совершеннаго доказательства, то есть: что естьли каждое изъ нихъ особенно недостаточно къ изключенію невинности обвиненнаго, то и совокупность ихъ не споспѣшествуетъ къ тому. Я прибавлю еще, что не совершенныя доказательства, отъ коихъ обвиненный не оправдается, хотя бы и могъ, учиняются совершенными; но гораздо легче одобрить нравственную сію вѣроятность, нежели точно опредѣлить ее. Вотъ почему признаю я мудрымъ законъ доставляющій главному судьѣ засѣдателей, избираемыхъ однимъ только случаемъ. И дѣйствительно, невѣжество судящее по чувству, вѣроятнѣе тогда самой науки, заключающей

по мнѣнію. Гдѣ законы ясны и основательны, тамъ судья долженъ только увѣриться въ дѣлѣ. Естьли нужны знанія и искуство для изслѣдованія доказательствъ преступленія; естьли требуютъ ясности въ предложеніи слѣдствія, и точности въ рѣшеніи, извлекаемомъ изъ сего слѣдствія; то простой здравый смыслъ утвердитъ разсужденіе сіе на правилахъ, несравненно вѣроятнѣйшихъ, нежели знаніе судьи, влекомаго привычкою находить виновныхъ, и все обращать къ системѣ его ученія. Сколь бы щастливъ былъ тотъ народъ, гдѣ законы не былибъ наукой!

Весьма полезно учрежденіе правила, предписывающаго, чтобъ каждый былъ судимъ равными себѣ; ибо тамъ, гдѣ дѣло идетъ о имуществѣ и о свободѣ гражданина, чувства внушаемыя равенствомъ, должны безмолвствовать. Но то преимущество, съ какимъ благоденствующій человѣкъ взираетъ на нещастнаго, жребіемъ угнѣтеннаго; и негодованіе, возбуждаемое въ слабомъ присудствіемъ сильнаго, не совмѣстны съ тѣми рѣшеніями, о коихъ я говорю.

Когда преступленіе есть обида треть-

яго, тогда судьи должны быть избираемы частію изъ равныхъ обвиняемаго и частію изъ равныхъ обиженнаго, чтобъ чрезъ то личныя выгоды, (вопреки намъ измѣняющія предметы) встрѣчая преграды, дали полную свободу вѣщать законамъ и истиннѣ. А при томъ и согласно съ правосудіемъ, чтобы виновный имѣлъ нѣкоторое право отрицать тѣхъ изъ своихъ судей, въ коихъ онъ сумнѣвается: съ таковымъ ограниченнымъ позволеніемъ, будетъ онъ нѣкоторымъ образомъ собственнымъ своимъ обвинителемъ. Да будутъ рѣшенія торжественными; да будутъ таковыми же и доказательства преступленій; тогда мнѣніе, сіе единое благо общественное, обуздаетъ силу и страсти. Народъ скажетъ: мы не рабы, мы обрѣтаемъ защитниковъ; и чувство сіе, раждающее мужество, замѣнитъ дань Монарху, ощущающему истинныя свои выгоды. Я не войду въ другія подробности, не назначу ничтожныхъ предосторожностей, требуемыхъ подобными учрежденіями; объясненія мои ничего бы не значили, естьлибъ принужденъ я былъ обо всемъ изъясняться.

---

§ 14.

О тайныхъ обвиненіяхъ.

Тайныя обвиненія сушь явственный безпорядокъ; но освященный и учиненный необходимымъ во многихъ правленіяхъ, слабостію ихъ постановленія. Такой обычай содѣлываетъ людей лживыми и ухищренными. Зря въ ближнемъ доносчика, не зрю ли въ немъ и врага? Тогда привыкаютъ облекать личиною собственныя свои чувства: а скрывающій ихъ отъ другихъ вскорѣ привыкнетъ таить оныя даже и отъ самого себя. Горе людямъ, достигшимъ до сей бѣдственной крайности! чуждые основательныхъ и явственныхъ правилъ, руководствующихъ ими; носясь произволомъ случая въ обширной пучинѣ мнѣнія; занятые безпрестанно чудовищами, угрожающими имъ; они не наслаждаются даже настоящимъ, отравляемымъ непрестанно неизвѣстностью будущаго. Продолжительныя удовольствія безмятежности и безопасности для нихъ не существуютъ. Нѣсколько мгновенній скоротечнаго и смятеннаго щастія могутъ ли вознаградить ихъ за столь горестное бытіе? И изъ сихъ-то

людей хотятъ учинить неустрашимыхъ ратниковъ, защитниковъ отечества и престола! Въ нихъ хотятъ зрѣть нелицепріятныхъ судей, поддерживающихъ и изъявляющихъ свободнымъ и патріотическимъ витійствомъ истинныя выгоды Монарха! добродѣтельныхъ гражданъ, приносящихъ совокупно къ подножію трона дань и любовь всѣхъ народныхъ сословій, для водворенія въ чертогахъ и подъ кровомъ хижинъ спокойствія, безопасности, и отрадной надежды улучшить свой жребій, которая благотворнымъ своимъ вліяніемъ животворитъ государство новымъ бытіемъ!

Кто возможетъ противустоять клеветѣ, вооруженной непреодолимымъ щитомъ тиранства? Тайна; но что значитъ то правленіе, гдѣ Монархъ въ подданныхъ своихъ зритъ однихъ только враговъ, и гдѣ для спокойствія своего принужденъ онъ возмущать спокойствіе каждаго изъ нихъ!

Какіе приводятъ доводы къ оправданію обвиненій тайныхъ и наказаній? Спасеніе общественное, безопасность и сохраненіе образа правленія! Можно ли не дивиться тому постановленію, гдѣ обладающій всею силою и имѣющій на сторонѣ своей мнѣ-

ніе, дѣйствительнѣйшее самой силы, кажется трепещущимъ отъ взора каждаго гражданина? Безопасность обвинителя! И такъ законы явились бы недостаточными для его защищенія, а подданные были бы могущественнѣе самого Монарха! Безчестіе, поражающее каждаго доносчика! И такъ наказывая торжественныя клеветы, уполномочиваютъ однѣ только тайныя. Естество преступленія? Гдѣ дѣйствія ничего незначущія и даже полезныя обществу, вмѣняются въ преступленія; тамъ обвиненія и рѣшенія никогда не могутъ сокрыться совершенно отъ взора общественнаго. Но могутъ ли существовать преступленія, то есть: такого роду обиды, учиненныя обществу, которыя бы для общей выгоды не долженствовали возвѣщаться примѣромъ, то есть: рѣшеніемъ? Исполненный уваженія ко всѣмъ правленіямъ и не мысля говорить ни объ одномъ особенно, знаю что находятся обстоятельства, въ коихъ по видимому подвергаютъ государство гибели, стремясь исторгнуть изъ нѣдръ его злоупотребленія, сліянныя съ народной системой: но естьлибъ въ отдаленнѣйшемъ углу вселенной, обязанъ

я былъ начертать законы, тогда дрожащая моя рука не дерзнулабъ подписать опредѣленія, тайныхъ обвиненій. Я мыслилъ бы, что гремящій гласъ потомства уличаетъ меня во всѣхъ ужасныхъ бѣдствіяхъ, изъ того произтекающихъ.

Монтескію уже сказалъ, что общественныя обвиненія соотвѣтственнѣе республикамъ, гдѣ любовь къ отечеству должна быть первою страстію гражданъ, нежели Монархіямъ, гдѣ сущность правленія учиняетъ сіе чувство весьма слабымъ, и коего мудрое учрежденіе знаменуется назначеніемъ судей, долженствующихъ во имя народа обвинять закононарушителей. Но области Монархическія, равно какъ и республиканскія, должны наказывать клеветника подобно обвиняемому.

---

§ 15.

О пыткѣ.

Къ усугубленію бѣдствій человѣческихъ, у большой части народовъ утверждено обычаемъ мучительство, пытать виновнаго во время производства его дѣла;

для того ли, чтобъ изторгнуть у него признаніе въ его преступленіи, чтобъ объяснить противорѣчіе отвѣтовъ его, и вывѣдать о его сообщникахъ; для того ли что установилось какое-то метафорическое и непостижимое понятіе, будто бы пытка очищаетъ безславіе, или наконецъ, чтобъ открыть злодѣянія, еще на него не возлагаемыя, но которымъ можетъ онъ быть причастенъ. Однако до приговора судейскаго никто не можетъ считаться виновнымъ; и общество тогда только должно лишить его своей защиты, когда онъ уличится въ нарушеніи условій, въ силу которыхъ оно его пріяло подъ свой покровъ. И такъ однимъ только правомъ силы уполномочивается судія истязать гражданина, хранящаго еще невинность, непомраченную доказательствомъ того преступленія, въ коемъ его обвиняютъ. Давно уже извѣдана истинна сего соразсужденія. Или преступленіе доказано, или нѣтъ; естьли оно доказано, тогда потребно одно только законное истязаніе, и тогда ненужное признаніе виновнаго, учиняетъ пытку безполезной; буде же оно не доказано, то терзаніе невиннаго есть тиран-

ство. Поступимъ далѣе; мы уничтожаемъ всѣ сношенія, требуя отъ человѣка, чтобы онъ совокупно былъ обвинителемъ и обвиняемымъ, и претворяя страданіе въ правило истинны, какъ будто бы правило сіе заключилось въ мышцахъ и жилахъ нещастнаго! Напротивъ того, не служитъ ли оно вѣрнѣйшимъ средствомъ къ освобожденію сильнаго преступника, и къ обвиненію слабаго невиннаго? Вотъ пагубныя слѣдствія сего мнимаго правила истинны, достойнаго однихъ только человѣкоядцевъ, и которое Римляне, народъ, по столь многимъ отношеніямъ свирѣпый, употреблялъ только для невольниковъ своихъ, сихъ нещастныхъ жертвъ лютой добродѣтели слишкомъ превозносимой.

Какую цѣль предполагаетъ себѣ Государство въ установленіи наказаній? Ужасъ напечатлѣваемый оными въ сердцахъ людей. Но что должно мыслить о сихъ мрачныхъ темницахъ, о сихъ мѣстахъ, назначенныхъ для пытки, гдѣ мучительство обычая, разитъ адскою своею жестокостію преступника и невиннаго? Почитая нужнымъ истязаніе извѣстнаго наказанія, можно ли признать полезнымъ открытіе

преступленія, облеченнаго завѣсою неизвѣстности и сомнительности? Зло, уже учиненное и неизцѣльное для того только наказывается гражданскимъ обществомъ, чтобы не польстить народъ надеждою ненаказанности; и естьли то справедливо, что большая часть людей чтитъ законы отъ страха или отъ добродѣтели; естьли вѣроятно, что гражданинъ, въ равновѣсіи обстоятельствъ скорѣе бы нарушилъ ихъ, нежели бы имъ повиновался, то опасеніе мучить невиннаго должно соразмѣряться сей вѣроятности.

Мнимая необходимость очищать безславіе, заключается также въ причинахъ утверждающихъ пытку, то есть: что человѣкъ обезславленный по опредѣленію законовъ, долженъ подтвердить свидѣтельство свое мученіями.

Какъ! уже ли болѣзнь, сіе тѣлесное ощущеніе уничтожитъ безславіе, изъявляющее единое нравственное отношеніе? Уже ли подобно смѣшанному тѣлу, очищающемуся въ химическомъ сосудѣ, въ нѣдрахъ истязаній пытки очистится безславіе? Заблужденіе сіе несовмѣстно съ нынѣшнимъ вѣкомъ. Впрочемъ не трудно дойти до источ-

ника, столь страннаго закона. Величайшія безумія, принятыя однажды цѣлымъ народомъ, всегда соединяются съ другими понятіями общими и уважаемыми симъ народомъ. Обычай же, противъ котораго мы возстаемъ здѣсь, кажется, пріемлетъ начало свое въ понятіяхъ духовныхъ и во мнѣніяхъ вѣры, столь сильно вліяющихъ на умъ людей, на народы и столѣтія. Непреложный доводъ извѣщаетъ насъ, что пятна, отъ слабости человѣческой произшедшія, не заслуживъ вѣчнаго гнѣва существа высочайшаго, должны очищаться непостижимымъ огнемъ. Безславіе же есть пятно гражданское; и такъ, естьли страданіе и огонь изтребляютъ пятна духовныя, то для чего же мученіямъ пытки не изтребить пятна гражданскаго безславія? Мнѣ кажется, что нѣкоторыя судилища, почитая необходимымъ вынужденіе признанія виновнаго, чтобъ осудить его, сообразуются въ томъ съ таинственнымъ судилищемъ покаянія, въ которомъ исповѣданіе есть необходимая часть причащенія. Такимъ образомъ и самыя вѣрнѣйшія истинны откровенія во зло употребляются людьми: а какъ однѣ только онѣ сущест-

вуютъ во времена невѣжества, то покорное человѣчество къ нимъ прибѣгаетъ во всѣхъ случаяхъ единственно для того, чтобъ сдѣлать изъ нихъ примѣненія безумнѣйшія и отдаленнѣйшія.

Я окончу разсужденіе сіе весьма простымъ замѣчаніемъ. Естьли безславіе есть такое чувствіе, которое не подлежитъ ни законамъ, ни разсудку, но мнѣнію, и естьли пытка безчеститъ того, кто подвергается оной, то безумно хотѣть очищать безславіе безславіемъ.

Пытаютъ человѣка, почитаемаго виновнымъ, въ случаѣ несогласія въ его допросахъ! но не зрятъ ли, что болѣзнь казни, неизвѣстность предстоящаго приговора, величественный видъ судьи, даже и невѣжество, столь же свойственное злодѣямъ, сколь и невиннымъ, служатъ сильными причинами къ приведенію въ замѣшательство, и трепещущую невинность и злодѣйство, старающееся утаиться? Можно ли сумнѣваться, чтобъ противорѣчія столь обыкновенныя людямъ, даже и въ спокойномъ положеніи, не размножалисьбы въ сіи смутныя минуты, когда желаніе избѣжать величайшей опасности, поглощаетъ въ себѣ всю душу.

Сіе неистовое средство открывать истинну, есть памятникъ древняго дикаго законодательства, въ коемъ знаменовались именемъ приговоровъ божественныхъ, испытанія огня, кипящей воды и сомнительнаго жребія. (*) Оружія, какъ будтобы

(*) Президентъ Гено въ Хронологическомъ своемъ начертаніи физическихъ лѣтописей, такимъ образомъ изъясняетъ о сихъ испытаніяхъ. „Испытанія, говоритъ онъ, установле„ніе которыхъ кажется столь безразсуд„нымъ, служатъ къ изъявленію заблужденій „ума человѣческаго; предки наши считали „ихъ средствомъ къ достиженію истинны. „Виновный пытался желѣзомъ освященнымъ „и тщательно сохраняемымъ въ нѣкоторыхъ „монастыряхъ; ибо не всѣ изъ оныхъ поль„зовались симъ преимуществомъ; испытывали „еще кипяткомъ, холодною водою; но симъ „испытаніямъ подвергался только народъ, а „другимъ предоставлялось испытываться „оружіемъ. Побѣжденный почитался винов„нымъ и претерпѣвалъ казнь за преступ„леніе, въ коемъ его обвиняли. Но повѣрятъ „ли, продолжаетъ онъ, что и для разрѣшенія „вопросовъ о судопроизводствѣ или благости „къ такимъ же прибѣгали средствамъ.„

Почерпнуто переводчикомъ изъ Французскаго лѣтописца, сочиненнаго Президентомъ Гено. —

кольца вѣчной цѣпи, пребывающей въ нѣдрахъ первой причины всесущаго, долженствуютъ ежеминутно разстроиваться и расторгаться отъ безразсудныхъ установленій человѣческихъ? Одно различіе нахожу я между пыткою и испытаніемъ огня или кипятка, состоящее въ томъ, что слѣдствія первой, кажется, зависятъ отъ воли виновнаго, успѣхъ же послѣднихъ непосредственно относится къ дѣйствію физическому и внѣшнему. Но сіе различіе существуетъ только по видимому: виновный столь же не властенъ говорить истинну среди мученій пытки, сколь и безсиленъ былъ безъ всякаго обману, препятствовать силѣ вышеозначенныхъ испытаній.

Всѣ дѣйствія нашей воли соразмѣрны силѣ ощутительнаго впечатлѣнія, ихъ производящаго; а чувствительность каждаго человѣка простирается только до нѣкоторой степени. Слѣдовательно, когда болѣзненное впечатлѣніе достигаетъ оной, то страждущій принужденъ будетъ избирать ближайшее средство для прекращенія настоящаго своего мученія. Тогда, отвѣтъ его равенъ будетъ впечатлѣніямъ ог-

ня или воды; тогда невинный будетъ вопіять, что онъ виновенъ, чтобъ только прекратить нестерпимыя муки: тогда изыскиваемыя обстоятельства затмятся отъ самыхъ средствъ, употребляемыхъ для объясненія оныхъ? Не нужно присовокуплять къ симъ разсужденіямъ безчисленныхъ примѣровъ, учинившихъ себя преступниками среди болѣзненныхъ истязаній. Какой народъ, какое столѣтіе не ознаменовалось оными? Но люди не перемѣняются и не извлекаютъ изъ того никакихъ заключеній! утвердительно можно сказать, что всякой, возносясь когда нибудь мысленно за предѣлъ общихъ потребностей, внималъ гласу природы, призывающей его къ себѣ? Тщетныя предваренія! обычай, господствуя надъ душами посредствомъ страха, почти всегда торжествуетъ. И такъ, слѣдствіе пытки относится къ сложенію тѣлъ и къ изчисленію, разнообразящемуся въ каждомъ человѣкѣ, по мѣрѣ силы и чувствительности его? И такъ можно оное предвидѣть, разрѣшивъ слѣдующую задачу, принадлежащую болѣе математику, нежели судьѣ; *крѣпость мышцъ и чувствительность нервъ невиннаго будучи извѣстны,*

найти степень страданія, которая заставитъ его обвинить себя въ данномъ наказаніи.

Вопрошаютъ виновнаго, дабы вывѣдать отъ него истинну: но естьли она изъявляется въ видѣ, въ движеніяхъ и въ чертахъ лица спокойнаго человѣка, то какъ откроютъ ее въ то время, когда отъ болѣзненныхъ судорогъ измѣнятся всѣ признаки, начертывающія иногда оную на лицѣ большой части людей, сколь бы они ни старались ее скрывать? Всякое насильственное дѣйствіе смѣшиваетъ ничтожныя различія предметовъ, способствующихъ отличать ложь отъ истинны: оно даже уничтожаетъ ихъ.

Основательность сихъ правилъ извѣстна была законодателямъ Римлянъ, у коихъ подвергали пыткѣ однихъ только рабовъ, лишенныхъ всякой личности гражданской. Истинна сихъ правилъ утверждена въ Англіи, въ сей знаменитой странѣ, гдѣ успѣхи наукъ, превосходство торговли, богатствъ, слѣдственно и превосходство могущества, наконецъ частыя примѣры добродѣтели и мужества, доказываютъ изящность законовъ.

Швеція, убѣдясь въ несправедливости пытки, возбранила оную въ областяхъ своихъ: неистовый сей обычай истребленъ былъ мудрѣйшимъ изъ правителей Европы (*), законодавцемъ своего народа, который возведши философію на престолъ, учинилъ подданныхъ своихъ равными и свободными подъ священнымъ игомъ законовъ: то есть, подъ сѣнію единаго того равенства, которое люди благомыслящіе могутъ требовать въ настоящихъ обстоятельствахъ. Наконецъ уставы воинскіе чужды пыткѣ; и естьлибъ гдѣ нибудь могла она употребляться, то несомнѣнно всего бы скорѣе въ войскахъ, составленныхъ наиболѣе изъразвращеннѣйшей части народа. Сколь удивительно покажется сіе тому, кто никогда не размышлялъ о могуществѣ обычая! Ратники, привыкшіе къ кровопролитію и убійству, миролюбивымъ за-

---

(*) Разрѣшеніе оковъ несчастныхъ и уничтоженіе тайны совокупно ознаменовали вступленіе на Престолъ АЛЕКСАНДРА I го.

„Стѣнъ тайны нѣтъ! Всѣмъ откровенно,
„Что царство будетъ то блаженно,
„Гдѣ онъ владыкой нареченъ! . . . —

конодавцамъ подаютъ примѣръ человѣколюбиваго сужденія!

Истинна всего мною изъявленнаго, была усмотрѣна, хотя и весьма неявственно, даже и тѣми, кои отъ нея удаляются: ибо признаніе виновнаго не пріемлется, естьли онъ не подтвердитъ онаго клятвою. Но сколь ничтожно сіе средство для нещастнаго, снова подвергающагося мукамъ, въ случаѣ отреченія отъ свидѣтельства своего. Нѣкоторые ученые и нѣкоторые народы, позволяютъ только троекратное возобновленіе сихъ правилъ: другіе полагаются въ ономъ на благоразуміе судейское. — Изъ чего и слѣдуетъ, что изъ двухъ человѣкъ равномѣрно невинныхъ или виновныхъ, сильнѣйшій и мужественнѣйшій будетъ освобожденъ, и слабѣйшій наказанъ въ силу слѣдующаго разсужденія. *Я именованный судья, долженъ былъ тебя признать виновнымъ въ таколъ-то преступленіи; ты, который сильнѣе и мужественнѣе снесъ муки, я тебя прощаю: а ты послабости не вытерпѣвшій пытки, мною осуждаешься. Я знаю, что вымученное признаніе ничего не значитъ; но буде не подтвердишъ онаго, то снова подвергну тебя страданію.*

Изъ установленія пытки произтекаетъ еще сіе удивительное заключеніе, что она учиняетъ жребій невиннаго несравненно лютѣйшимъ, жребія преступника. И дѣйствительно, первому противоборствуютъ всѣ умозаключенія, ибо онъ осуждается признавшись въ возлагаемой на него винѣ; естьли же освобождается, то онъ все уже претерпѣлъ незаслуженныя имъ истязанія. Напротивъ того, другой, убѣжденный въ томъ, что онъ будетъ признанъ невиннымъ, естьли мужественно перенесетъ пытку, можетъ избѣгнуть предстоящей ему казни, преодолѣвъ истязанія не столь жестокія, какія онъ заслуживаетъ. И такъ виновный все теряетъ тамъ, гдѣ все благопріятствуетъ преступнику.

Законъ, предписывающій пытку, есть законъ вѣщающій: *Люди, противоборствуйте страданіямъ! Знаю, что природа напечатлѣла въ сердцахъ вашихъ непреоборимое стремленіе къ сохраненію вашему: знаю, что она дала вамъ неоспоримое право защиты; но я сотворилъ въ васъ чувствіе противуположное; я внушаю вамъ геройскую ненависть къ самимъ себѣ и повелѣваю быть собственными обвинителями*

своими среди терзаній и казней, которыя принудятъ васъ принесть жертву истиннѣ.

Пытать нещастнаго, дабы вывѣдать не виновенъ ли онъ въ преступленіяхъ на него невозлагаемыхъ, есть сіе ужасное разсужденіе, относящееся къ страдальцу: *Доказано, что ты учинилъ такое-то преступленіе, слѣдственно, ты можешь быть причастенъ и множеству другихъ: сіе сомнѣніе тяготитъ меня, и я хочу оное разсѣять въ сходственность понятія моего о истиннѣ; законы мучатъ тебя для того, что ты виновенъ, для того, что ты можешь оказаться таковымъ, для того, что я хочу, чтобъ ты таковымъ былъ.*

Наконецъ пытаютъ виновнаго для узнанія о его сообщникахъ. Но естьли доказано, что пытка несообразна съ познаніемъ истинны, то какъ откроетъ она сообщниковъ виновнаго, что также относится къ изыскиваемымъ истиннамъ? Не легче ли тому обвинять другихъ, кто самъ себя обвиняетъ? сверьхъ того, можно ли по справедливости мучить человѣка за чужія преступленія? Допросы, учиняемые свидѣтелямъ и виновному, изслѣдованіе доказательствъ и преступленія, наконецъ всѣ

изысканія, долженствующія споспѣшествовать къ утвержденію обвиняемаго, не доставляютъ ли сами собою познанія о сообщникахъ? Но сіи послѣдніе почти всегда обращаются въ бѣгство, по взятіи товарища ихъ. Неизвѣстный жребій, ихъ ожидающій, осуждаетъ ихъ къ изгнанію и предохраняетъ общество отъ новыхъ ихъ злодѣяній, въ то время, когда виновный, въ рукахъ его находящійся, казнію своею устрашаетъ людей и уклоняетъ ихъ отъ преступленія, въ чемъ и состоитъ единственная цѣль наказаній.

---

§ 16.

О государственной казни.

Нѣкогда всѣ наказанія производились деньгами; преступленія подданныхъ чинялись имуществомъ владыки; покушенія противъ безопасности общественной были предметомъ роскоши; и защитники общества находили выгоду въ оскорбленіи онаго. И такъ рѣшенія изъявляли нѣкоторой родъ тяжбы, между казною (получавшею цѣну съ преступленія) и виновнымъ,

ее уплачивавшимъ. Оное претворилось въ дѣло граждачское, спорливое, и болѣе частное, нежели общественное. Казна присвояла себѣ права, противоположныя данной ей власти мстить за общество; виновный подвергался инымъ наказаніямъ, а не тѣмъ, которыя требовала необходимость примѣра. Чѣмъ бы заниматься безпристрастнымъ изысканіемъ истинны, судія былъ только стряпчимъ отъ казны. Начальникъ и покровитель законовъ зрѣлъ себя взыскателемъ доходовъ государственныхъ. А какъ въ сей системѣ признаніе преступленія составляло долгъ въ отношеніи къ казнѣ; то оно и было единственною цѣлью уголовныхъ производствъ того времени, и служило непосредственнымъ искуствомъ уголовнаго судьи въ исторженіи отъ обвиненнаго сей исповѣди благопріятнѣйшимъ образомъ для казенныхъ выгодъ.

Подобное сему искуство еще и понынѣ исполняется; ибо дѣйствія не исчезаютъ долго по прекращеніи ихъ причинъ. Безъ исповѣди сей, виновный хотя и признанный таковымъ по неоспоримымъ доказательствамъ, не понесетъ должнаго наказанія за свое преступленіе и не подверг-

нется пыткѣ за другія злодѣянія, коимъ онъ можетъ быть причастенъ. Посредствомъ оной судья учиняется властелиномъ тѣла преступника; онъ разрываетъ его методически, онъ изъ него учиняетъ, такъ сказать, источникъ, изъ коего почерпаетъ всю возможную выгоду. Существованіе преступленія, однажды доказаннаго, дѣлаетъ признаніе виновнаго убѣдительнымъ доказательствомъ, и дабы явить оное не столь сомнительнымъ, то исторгаютъ его изъ устъ страданія и отчаянія. Но естьлибъ дѣло происходило внѣ суда, естьлибъ виновный былъ спокоенъ, естьлибъ взоръ его не поражался страшнымъ зрѣлищемъ казней, тогдабъ собственное его исповѣданіе недостаточно было къ его осужденію. Изключаютъ изъ тяжбы изысканія и доказательства, которыя, объясняя дѣйствіе, вредили бы домогательствамъ казны; и естьли иногда освобождаютъ отъ наказанія виновныхъ, то сіе бываетъ не отъ соболѣзнованія къ слабости и нещастію, но для сохраненія правъ существа, нынѣ мечтательнаго и непостижимаго, то есть, государственной казны. И такъ судья учиняется врагомъ виновнаго, нещастна-

го, согбеннаго подъ тяжестію оковъ, угнетаемаго скорбію, угрожаемаго наказаніями, и при воображеніи будущаго, объемлющагося страхомъ и трепетомъ. Онъ не изыскиваетъ истинны, но стремится обрѣсти преступленіе въ лицѣ виновнаго, уловляетъ его простоту. Кажется, что онъ всего лишается въ случаѣ не удачи; и можно бы сказать, что онъ страшится прикоснуться къ той непреложности, которую каждый человѣкъ хочетъ во всемъ себѣ присвоить. Отъ судьи зависитъ означить признаки, достаточные для заключенія въ темницу гражданина; такимъ образомъ, что до оправданія долженъ онъ объявить себя виновнымъ. Вотъ что заслуживаетъ наименованіе наступительной тяжбы; и вотъ ходъ уголовнаго судопроизводства почти во всей Европѣ, сей части свѣта, столь нынѣ просвѣщенной, и въ теченіе осьмнадцатаго столѣтія ознаменовавшейся философіею и человѣколюбіемъ. Едва познаютъ въ ея судилищахъ истинну производствъ, извѣщеній, то есть: безпристрастное изысканіе дѣла, соотвѣтственнаго разсудку, принятаго уставомъ воинскимъ, и даже самимъ Азіат-

скимъ самовластительствомъ, употребляемаго въ обстоятельствахъ спокойныхъ и маловажныхъ. Удивительный лавиринѳъ безумствъ, которыя едва ли будутъ постижимы для нашихъ потомковъ, щастливѣйшихъ насъ! Система невѣроятная, долженствующая объясниться въ существѣ своемъ философами будущихъ временъ, отъ изслѣдованія естества сердца человѣческаго!

---

§ 17.

О присягахъ.

Требуя отъ обвиненнаго клятвеннаго объявленія истинны въ то время, когда онъ находитъ непосредственную пользу въ умолчаніи оной, законы противорѣчатъ природѣ. Уже ли думаютъ, что захотятъ дѣйствительно присягою споспѣшествовать къ собственному своему изтребленію? Уже ли думаютъ, что гласъ выгоды не заглушаетъ въ большой части людей внушеній вѣры! Опытъ всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что сей священный даръ небесъ болѣе всего злоупотребляется: и какъ ува-

житъ его злодѣй, естьли и люди, почитаемые добродѣтельнѣйшими, столь часто дерзали оной отвергать? Противуполагаемыя онымъ причины страху мученій и привязанности къ жизни, почти вообще неощутительны, слѣдственно и весьма слабы: а сверьхъ того, все относящееся къ небесамъ, управляется совершенно отличными законами отъ уставовъ, владычествующихъ на землѣ. Да и для чего нарушать сіи законы взаимнымъ ихъ противорѣчіемъ? Для чего подвергать человѣка ужасной необходимости ослушаться Божества или погубить самого себя? Такимъ образомъ принуждаютъ обвиненнаго или быть дурнымъ христіаниномъ, или мученикомъ; и разрушая силу чувствованій вѣры, сего единственнаго залога чести праводушныхъ людей, со временемъ претворяютъ клятву въ простой только обрядъ. Впрочемъ опытъ доказываетъ, сколь она безполезна; я свидѣтельствуюсь всѣми судьями, соглашающимися въ томъ, что присяга никогда не подвигала къ открытію истинны; и разсудокъ изъявляетъ то, доказывая, что всѣ законы несовмѣстные съ естественными чувствами человѣка, суть тщетны, и слѣ-

довательно гибельны. Подобно сему, оплоты, воздвигнутые среди водъ рѣки, для воспрепятствованія ея теченію, немедлѣнно бы низверглись отъ увлекающей ихъ быстрины, или сами собою произвелибъ пружину, нечувствительно подрывающую и разрушающую ихъ.

---

§ 18.

О скорости наказаній.

Чѣмъ наказаніе будетъ скоропостижнѣе, чѣмъ непосредственнѣе будетъ оно сопровождать злодѣяніе, ему подлежащее, тѣмъ будетъ оно справедливѣе и полезнѣе. Я говорю справедливѣе; ибо тогда виновный освободится отъ лютыхъ мученій неизвѣстности; мученій излишнихъ, и коихъ ужасъ умножается по мѣрѣ стремительности его воображенія и чувствія о собственной его слабости; а какъ потеря свободы есть уже наказаніе, то она въ случаѣ только совершенной необходимости должна предшествовать приговору. Заключеніе въ темницу служитъ только средствомъ къ сохраненію гражданина, пока

онъ не окажется виновнымъ: оно уже есть наказаніе. И такъ оно должно умягчаться сколько возможно болѣе и ограничиваться нужнымъ только временемъ. Теченіе онаго должно соразмѣряться необходимому продолженію изслѣдованія дѣла и тому праву, по которому долѣе содержащіеся въ тюрьмѣ, должны прежде судиться: виновный же, не долженъ въ оной стѣсняться сверьхъ надлежащаго къ воспрепятствованію его бѣгству и сокрытію доказательствъ его преступленія. Наконецъ судъ долженъ кончиться сколько возможно скорѣе. Ибо сколь ужасную представляетъ противуположность нерадѣніе судьи и страданіе обвиняемаго! Спокойствіе и увеселеніе безчувственнаго начальника и слезы нещастнаго, среди ужасовъ темницы, обремененнаго оковами! Вообще, тягость наказанія и слѣдствія преступленія должны быть полезнѣйшими для свидѣтелей, и легчайшими для тѣхъ, кои онымъ подвергаются: ибо нѣтъ въ существенности никакого законнаго общества безъ сего неоспоримаго правила, что люди поработились только игу малѣйшихъ золъ. —

Я говорю, что скорость наказанія по-

лезна: вотъ причина тому? Чѣмъ менѣе проходитъ времени между дѣйствіемъ и наказаніемъ, имъ заслуженнымъ, тѣмъ тѣснѣе соединяются въ умѣ и почти неизгладимо, понятія *о злодѣяніи и наказаніи*; онъ зритъ тогда въ наказаніи слѣдствіе вѣрное и нераздѣльное съ своей причиной. Уже доказано, что связь понятій служитъ основаніемъ цѣлому сданію ума человѣческаго, и что безъ онаго удовольствіе и горесть были бы чувствами отчужденными и бездѣйственными. Чѣмъ болѣе удаляются люди отъ общихъ понятій и всемірныхъ правилъ, то есть: чѣмъ они непросвѣщеннѣе, тѣмъ болѣе придерживаясь понятіямъ ближайшимъ и непосредственно соединяющимся, пренебрегаютъ сношенія отдаленныя и понятія сложныя. Сіи послѣднія представляются только людямъ, сильно прелѣпленнымъ къ какому нибудь предмету, или получившимъ отъ природы умъ просвѣщенный. У первыхъ ясность вниманія разсѣиваетъ мглу, облекающую предметъ его изысканія, но оставляетъ другихъ во мракѣ. Другіе, привыкнувъ стремительно соединять множество понятій въ одну точку, сравниваютъ безтрудно

противуположныя чувства; и слѣдствіе того служитъ основаніемъ ихъ дѣяніямъ, которыя черезъ то учиняются не столь сомнительными и не столь опасными. —

И такъ естьли хотятъ, чтобы въ умѣ простолюдимовъ очаровательное начертаніе выгодъ виновнаго дѣйствія возбуждало вдругъ мысль о наказаніи неизбѣжномъ, то должно, чтобъ сіе злодѣяніе немедлѣнно сопровождалось наказаніемъ. Ибо отлагательство онаго служитъ только къ расторженію сношенія сихъ двухъ понятій. Самое впечатлѣніе, производимое тогда казнію, уподобляется впечатлѣнію произходящему отъ какого бы то ни было зрѣлища; ибо ужасъ наказываемаго ею преступленія слабѣетъ въ умѣ зрителей и не утверждаетъ въ нихъ болѣе чувства о наказаніи.

Важное сношеніе между преступленіемъ и наказаніемъ, пріобрѣтало бы новыя силы отъ доставленія наказанію возможнѣйшей сообразности съ естествомъ преступленія. Сіе сходство удивительнымъ образомъ способствуетъ дѣйствію противоположности, долженствующей существовать между понужденіемъ къ злодѣйству и противодѣйствіемъ, производи-

мымъ мыслію о казни; оно отвлекаетъ умъ отъ пути, накоторый стремила его обманчивая надежда дѣянія противнаго законамъ, и обращаетъ его къ противоположной цѣли.

---

§ 19.

О насильствахъ.

Безъ сомнѣнія, что посягательство на лице отличествуетъ отъ посягательства на имущество. Первое всегда заслуживаетъ тѣлесное наказаніе; ибо естьли вельможи и богатые возмогутъ опредѣлять цѣну посягательствамъ противъ слабаго и неимущаго, тогда богатства, долженствующія награждать промышленность, подъ покровительствомъ законовъ, учинятся пищею тиранства. Гдѣ законы позволяютъ, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, чтобы человѣкъ, преставъ быть *лицемъ*, содѣлывается *вещью:* тамъ изчезаетъ свобода; тогда искуство сильныхъ людей непосредственно займется извлеченіемъ изъ общей суммы граждан-

скихъ связей, выгоднѣйшихъ для нихъ въ отношеніи закона. Сіе открытіе есть волшебная тайна, претворяющая всѣхъ гражданъ въ вьючныхъ скотовъ; въ рукахъ сильнаго она есть цѣпь, связующая дѣянія безразсудныхъ и слабыхъ! посредствомъ ея мучительство скрывается въ нѣкоторыхъ правительствахъ, по видимому весьма свободныхъ, или съ помощію оной водворяется въ нѣкоторыхъ частяхъ, пренебреженныхъ законодателемъ, чтобы въ нихъ нечувствительно усилиться и распространиться. Люди обыкновенно противуполагаютъ твердѣйшія оплоты явному тиранству: но они не зрятъ непримѣтнаго насѣкомаго, подрывающаго ихъ преграды и отверзающаго разрушительному потоку путь, тѣмъ надежнѣйшій, чѣмъ онъ сокровеннѣе.

---

§ 20.

О наказаніяхъ благородныхъ.

Итакъ какія назначутся наказанія преступленіямъ благородныхъ, коихъ преимущества составляютъ главнѣйшую часть

законовъ государственныхъ? Я не войду въ изслѣдованіе, полезно ли для правительствъ наслѣдственное сіе отличіе, существующее между народомъ и благородными, и должно ли оно непосредственно входить въ составъ Монархіи; справедливо ли, что оно служитъ среднею властію и опытомъ двумъ крайнимъ предѣламъ: или подобно небольшимъ, прекраснымъ и плодоноснымъ островамъ, встрѣчающимся въ обширныхъ и песчаныхъ степяхъ Аравійскихъ; не вмѣщаетъ ли оно въ одинъ тѣсный кругъ все стремленіе силы и надежды учиняя дворянъ сословіемъ особеннымъ, порабощеннымъ и себѣ и другимъ. Я не стану разсуждать, хотя бы то и справедливо было, что неравенство общественное неизбѣжно и полезно; равномѣрно справедливо ли и то, чтобы оно болѣе существовало между чиносостояніями державъ, нежели между гражданами; чтобы оно останавливалось въ одномъ мѣстѣ, нежели распространилось по всѣмъ частямъ тѣла политическаго; или должно ли желать, чтобы оно увѣковѣчивалось или ежеминутно возникало и уничтожива-лось.

Я ограничусь изъявленіемъ только

шого, что знаменитѣйшіе особы должны подвергаться тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подлежитъ и послѣдній гражданинъ. Въ разсужденіи почестей и богатствъ, всякое различіе, дабы быть законнымъ, предполагаетъ предшествовавшее равенство, основанное на законахъ, на всѣхъ равно простирающихъ свою власть. Должно мыслить, что люди, отказываясь отъ самовластительства, которое каждой изъ нихъ получилъ отъ природы, сказали: ,,пусть ,,искуснѣйшій изъ насъ наслаждается величайшими почестями; и пусть блескъ ,,его славы простреется и на его потомковъ: но съ приращеніемъ своихъ надеждъ, ,,пусть щастливѣйшій и знаменитѣйшій, ,,равно послѣднему изъ гражданъ, страшится нарушать законы, вознесшіе его надъ ,,другими.,, Правда, что сіе опредѣленіе не произтекло отъ совѣщанія, на коемъ бы собранный родъ человѣческій оное провозгласилъ; но оно не менѣе того заключается въ непреложныхъ отношеніяхъ вещей. Оно не предполагаетъ себѣ предметомъ уничтоженіе выгодъ, относящихся изключительно къ дворянству, но предупреждаетъ неудобства, и учиняетъ законы по-

чтенными, преграждая навсегда путь къ ненаказанности. Естьли мнѣ возразятъ, что одинакое наказаніе, налагаемое на благороднаго и простолюдима, не бываетъ однако таковымъ, пріемля въ доводъ различное ихъ воспитаніе, и безславіе, напечатлѣваемое знаменитой крови: я буду отвѣчать, что наказанія не измѣряются чувствительностію виновнаго, но вредомъ, причиненнымъ обществу; вредомъ тѣмъ важнѣйшимъ для онаго, чѣмъ знаменитѣе его оскорбитель. Я прибавлю еще, что равенство наказанія бываетъ только всегда внѣшнимъ, ибо оно въ существенности своей различно для каждаго особенно; а въ отношеніи къ сѣмейственному безславію. Монархъ легко можетъ изгладить оное торжественными знаками своего благоволенія. Сверьхъ того, кому неизвѣстно, что ощутительные обряды сильнѣе всѣхъ разсужденій дѣйствуютъ на народъ, всегда склонный къ легковѣрности и удивленію?

---

§ 21.

О кражахъ.

Кражи, учиняемыя безъ насилія, долженствовалибъ наказываться денежнымъ взысканіемъ: ибо желающій обогатиться чужимъ именіемъ, достоинъ лишиться собственнаго своего имущества; но кража почти всегда бываетъ преступленіемъ нищеты и отчаянія; оная учиняется почти всегда людьми нещастными, коимъ право собственности (право ужасное и можетъ быть безполезное) не оставило никакого другаго имущества, кромѣ существованія. Сверьхъ того денежныя наказанія болѣе производятъ виновныхъ, нежели наказываютъ преступленія, и доставляютъ злодѣямъ хлѣбъ, оными же похищаемый у невинности. И такъ настоящее наказаніе для вора должно бы состоять въ томъ, чтобъ осудить его на нѣкоторое время рабству: ибо тогда его личность и трудъ, принадлежа непосредственно обществу, вознаграждаютъ оное сею совершенною зависимостію за самовластительство, несправедливо похищенное имъ у договора общественнаго. Одинъ только сей

родъ рабства можетъ почитаться справедливымъ.

Но естьли кража сопровождалась насильствомъ, тогда сверьхъ означенныхъ мною наказаній, она еще заслуживаетъ тѣлесное наказаніе. Уже прежде меня доказали безпорядки, происходящіе отъ единообразнаго наказанія кражей насильственныхъ, и тѣхъ, въ коихъ употреблялось одно только искуство: уже изъявили, сколь безразсудно уравненіе большой суммы денегъ съ жизнію человѣка: но всегда полезно повторять то, что почти нигдѣ не производилось въ дѣйствіе. Тѣла политическія, изъ всѣхъ другихъ тѣлъ, долѣе сохраняютъ однажды произведенное въ нихъ движеніе и менѣе наклонны къ принятію новаго.

Здѣсь объясняюсь я о преступленіяхъ совсѣмъ различнаго естества, и политика, равно математикѣ, одобряетъ вѣрную сію аксіому: то есть, что количества разнородныя раздѣляются пространствомъ безконечнымъ.

§ 22.

О безчестіи.

Обиды личныя и противныя чести, то есть, сей истинной мѣрѣ благоволенія, которое каждый гражданинъ въ правѣ требовать отъ другихъ, должны наказываться безчестіемъ. Безчестіе сіе знаменуя народное негодованіе, лишаетъ виновнаго уваженія, отечественной довѣренности и союза братства, обществомъ составляемаго. Но какъ дѣйствія онаго не совершенно зависятъ отъ законовъ, то безчестіе, налагаемое закономъ, должно раждаться отъ сношенія вещей и всемірной нравственности, или по крайнѣй мѣрѣ отъ частной нравственности, происходящей отъ частныхъ системъ, сихъ законодателей, обыкновенныхъ мнѣній, и народа, ихъ принявшаго. Въ противномъ же случаѣ престанутъ почитать законъ, и не смотря на всѣ тщетныя возраженія противъ примѣровъ, изтребится понятіе о нравственности и чести. Объявлять безчестными дѣйствія, ничего незначущія въ существѣ своемъ, значитъ уменьшать безчестіе дѣйствій, по справедливости заслуживаю-

щихъ оному подвергнуться. Но таковыя наказанія должны быть рѣдки; ибо слѣдствія существенныя и слишкомъ частыя, произходящія отъ вещей, относящихся ко мнѣнію, уменьшаютъ собственную силу онаго. Онѣ не должны также поражать въ одно время великое число людей; ибо безчестіе на многихъ раздѣленное, вскорѣ бы учинилось ничтожнымъ для всѣхъ.

Находятся преступленія, основанныя на тщеславіи и которыя не должно старагься укрощать наказаніями тѣлесными и болѣзненными, ибо изъ самаго того страданія извлекли бы они славу и пищу свою. Осмѣяніе и безчестіе, сіи оружія и самою истинною одолѣваемыя, посредствомъ только медлѣнныхъ и упорныхъ усилій, несравненно сильнѣе наказываютъ изувѣровъ, уничижая тщеславіе ихъ тщеславіемъ зрителей. Такимъ образомъ мудрый законодатель противоборствуетъ силѣ силою, и мнѣнію мнѣніемъ, для истребленія въ народѣ внезапнаго удивленія, произведеннаго въ немъ ложнымъ правиломъ, которое остается для него бездѣйственнымъ, естьли представятъ ему слѣдствія, хорошо изъ онаго извлеченныя.

Вотъ средства, научающія насъ отличать сношенія и непреложное естество вещей, которое въ дѣйствіи своемъ не ограничиваясь никогда временемъ, разрушаетъ всѣ учрежденія, отъ него уклоняющіяся. Вѣрное подражаніе природѣ не только служитъ правиломъ въ изящныхъ наукахъ, но есть также надежное и твердое основаніе политики, которая въ точномъ ея смыслѣ означаетъ науку, направлять къ мудрой и единой цѣли непревратныя чувствія людей.

---

§ 23.

О Тунеядцахъ.

Возмущая спокойствіе общественное или ослушиваясь законамъ, означающимъ условія, въ слѣдствіе которыхъ, люди терпятъ другъ друга и подвигаются ко взаимной защитѣ, учиняемся мы достойными исключенія изъ общества, то есть, изгнанія. Вотъ причина, влекущая мудрыя правленія, извергать изъ нѣдръ трудолюбія сей родъ общественной праздности, которую строгіе витіи смѣшивали не-

справедливо съ праздностію, произходящею отъ богатствъ, промышленностію собранныхъ. Сія послѣдняя учиняется необходимою и полезною по мѣрѣ распространенія общественнаго и стѣсненія правительства. Я называю политическою праздностію ту, которая не споспѣшествуетъ обществу ни своимъ трудомъ, ни богатствомъ; которая собирая всегда, ничего не теряетъ; которая возбуждаетъ въ черни глупое удивленіе, а въ мудрыхъ презрительное сожалѣніе къ жертвамъ оной: наконецъ праздность сія, чуждаясь необходимости умножать и сохранять удобности жизни, сей единственной причины дѣятельности человѣческой, не возбраняетъ нимало безпредѣльному владычествованію страстей мнѣнія, столь же сильно правящихъ людьми, сколь и она. Но въ политическомъ смыслѣ не льзя почитать того празднымъ, кто наслаждаясь плодомъ добродѣтелей или пороковъ предковъ своихъ, доставляетъ пищу и существованіе промышленной бѣдности, въ замѣну настоящихъ удовольствій, отъ нея получаемыхъ, и вспомоществуетъ ей производить въ тишинѣ сію подразумѣваемую

войну, которую промышленность выдерживаетъ противъ пышности, и которая послѣдовала кровавому и сомнительному противоборствію силы противъ силы. И такъ однимъ только законамъ, а не строгой и ничтожной добродѣтели нѣкоторыхъ порицателей, должно опредѣлять образъ виновной праздности.

Есть случаи, въ коихъ люди, обвиненные въ ужасномъ преступленіи, по многимъ обстоятельствамъ дѣйствительно таковыми кажутся, не бывъ однако въ томъ совершенно уличенными: кажется, что для сихъ послѣднихъ преступленій должнобъ было установить изгнаніе: Но законъ, осуждающій къ изгнанію человѣка, подвергшаго народъ лютой необходимости страшиться его, или его оскорбить, знаменуясь всею справедливостію и точностію, долженъ еще оставлять ему священное право доказать свою невинность. Также надлежитъ гораздо осторожнѣе поступать въ изгнаніи гражданина, нежели чужеземца; въ осужденіи человѣка, въ первой разъ обвиняемаго, нежели противъ того, кто неоднократно предстоялъ уже лицу правосудія.

§ 24.

О изгнаніи и описи имѣнія.

Изгоняемый и изключаемый навсегда изъ общества, котораго онъ былъ членомъ, долженъ ли въ то же самое время лишаться и имущества? Сей вопросъ можетъ быть разсматриваемъ съ разныхъ сторонъ. Наказаніе лишенія имуществъ несравненно жесточе изгнанія: и такъ должны быть въ ономъ случаи, къ коимъ бы присовокупляли общую опись имѣній; другія, лишающія изгнаннаго нѣкоторой только части имущества его; наконецъ послѣднія, ничего у него не отъемлющія. Сіи различные роды наказаній будутъ всегда соразмѣряться преступленію. Изгнанію непосредственно послѣдуетъ общая опись имѣнія; въ то время, когда сила закона, оное изрекающаго, разрываетъ всѣ сношенія между обществомъ и оскорбителемъ его, гражданинъ умираетъ, а человѣкъ остается; но въ отношеніи къ тѣлу политическому, онъ уже испыталъ всѣ слѣдствія смерти естественной. И такъ кажется, что имущество его надлежало бы скорѣе

обратиться къ законнымъ его наслѣдникамъ, нежели въ руки Монарха; ибо смерть и подобное изгнаніе въ разсужденіи гражданскаго состоянія, причастны одинакимъ слѣдствіямъ. Но я не въ слѣдствіе столь утонченнаго отличенія дерзаю опровергать опись имѣнія. Естьли нѣкоторые писатели утверждали, что оное споспѣшествуетъ къ обузданію мщенія и чрезмѣрнаго могущества частныхъ людей, то они не мыслили о томъ, что всякое наказаніе, производящее добро, не только должно быть справедливымъ, но еще и необходимымъ. Полезная несправедливость никогда не будетъ терпима законодателемъ, старающимся преградить всѣ пути мучительству, сему неусыпному чудовищу, умѣющему обольщать насъ мгновеннымъ благомъ, и которое подъ предлогомъ мнимаго щастія, изливаемаго имъ на вельможъ, скрываетъ будущую гибель и слезы множества нещастныхъ, отъ самой неизвѣстности своей наиболѣе подверженныхъ его ударамъ. Опись имѣній оцѣняетъ голову слабаго; поражаетъ невиннаго преступленіемъ виновнаго, и часто заставляетъ его таковымъ учиниться отъ необходимости

и отчаянія. И можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе зрѣлища, представляемаго сѣмействомъ, погруженнымъ въ безславіе и нищету за преступленіе своего вождя! преступленіе, которое было бы предупреждено должнымъ повиновеніемъ къ законамъ, когда бы оному доставлены были всѣ къ тому средства.

---

§ 25.

О духѣ сѣмейственномъ.

Естьли изъявленныя мною бѣдствія неправосудія уполномочивалися обычаемъ; естьли просвѣщеннѣйшіе люди одобряли ихъ; естьли свободнѣйшія республики производили ихъ въ дѣйство; то оное происходило болѣе отъ того, что общество разсматривается въ видѣ союза сѣмейственнаго, а не въ видѣ соединенія нѣкотораго числа людей. Пусть вообразятъ сто тысячъ людей или двадцать тысячь сѣмействъ, изъ коихъ каждое состоитъ изъ пяти человѣкъ, включая въ то число и вождя, оное представляющаго. Въ случаѣ сѣмейственнаго ихъ соединенія произойдетъ двадцать

тысячъ гражданъ и восемдесятъ тысячъ рабовъ; естьли же оное учинится особенно, тогда всѣ будутъ людьми свободными. Въ первомъ знаменованіи, сей народъ изобразитъ область, составленную изъ двадцати тысячъ небольшихъ Монархій; въ другомъ все будетъ дышать свободой; и она не только оживитъ общенародныя собранія, но еще водворится и во внутренность частныхъ домовъ, гдѣ по большой части обитаетъ благоденствіе или нещастіе людей. Когда же сообщество происходитъ сѣмейственно, тогда произтекутъ отъ вождей ихъ, законы и обычаи, бывающіе всегда слѣдствіемъ склонностей членовъ республики. Тогда мало по малу поселится въ оныя духъ Монархіи, и слѣдствія его встрѣтятъ преграды въ одномъ только противуборствіи частныхъ выгодъ, а не въ живомъ и общемъ чувствѣ свободы и равенства. Духъ сѣмейственный есть духъ подробностей и мѣлочей: разумъ, правящій республиками, полагаетъ общія начала, зритъ событности и каждую изъ оныхъ относитъ къ своему мѣсту, дабы учинить ихъ полезными для блага превосходнѣйшаго числа людей. Въ обществѣ

сѣмѣйственномъ дѣти подвластны вождю во все теченіе его жизни и одна смерть его можетъ доставить имъ существованіе, отъ однихъ только законовъ зависящее. Привыкнувъ къ покорности и боязни въ семъ возрастѣ дѣятельности и силы, когда страсти неукрощаются еще воздержаніемъ, симъ плодомъ опытности, какъ возмогутъ они противиться преградамъ, которыя порокъ непрестанно полагаетъ добродѣтели, въ то время, когда немощная и робкая старость погаситъ въ нихъ твердость, необходимую для смѣлыхъ предпріятій и лишитъ ихъ надежды вкусить плоды трудовъ своихъ.

Когда сообщество учиняется каждымъ особенно, тогда повиновеніе сѣмейственное есть слѣдствіе условія, а не силы. Вышедъ однажды изъ того возраста, въ которомъ природа, то есть, слабость и нужда воспитанія порабощаютъ ихъ родителямъ, дѣти, учинясь свободными и членами республики, для того уже только повинуются вождю сѣмейства, дабы споспѣшествовать его выгодамъ, какъ поступаютъ въ томъ граждане, относитель-

но къ большому обществу. Въ первомъ случаѣ молодые люди то есть многочисленнѣйшая и полезнѣйшая часть народа, зависятъ непосредственно отъ произвола ихъ родителей; во второмъ, единственный узелъ, ихъ связующій есть священный и нерушимый долгъ взаимнаго вспомоществованія въ нуждахъ и признательности за благодѣянія; долгъ несравненно скорѣе слабѣющій и уничтожающійся отъ слѣпаго повиновенія, но предписаннаго законами, нежели отъ злобы сердца человѣческаго. Противуположность сія между постановительными законами республикъ, и сѣмействъ, есть обильный источникъ противурѣчій, между нравственностію общенародною и нравственностію частною: она раждаетъ во всѣхъ умахъ непрерывную распрю. Частная нравственность внушаетъ покорность и страхъ; общенародная, оживотворяетъ мужество и свободу. Первая стѣсняетъ благотворное стремленіе въ тѣсномъ кругу людей, коихъ даже мы и неизбирали; другая, изливаетъ оное на всѣ части человѣчества: одна предписываетъ непрестанную жертву самаго себя тщетному призраку, боготворимому подъ име-

немъ *блага семейственнаго*, не рѣдко чуждому всѣхъ членовъ, его составляющихъ; другая научаетъ изыскивать выгоды не оскорбляя законовъ; сила ея простирается еще далѣе; ибо она понуждаетъ гражданина жертвовать собою отечеству; и рвеніе возжигаемое ею въ сердцѣ его, есть предварительная цѣна предпріятаго имъ дѣйствія. Подобныя противурѣчія отвращаютъ людей искать добродѣтель среди мраковъ, ее облекающихъ, и въ отдаленіи, гдѣ она имъ представляется изъ облаковъ, покрывающихъ предметы физическіе, равно нравственнымъ. Не частоли случается, что человѣкъ, размышляя о прошедшихъ своихъ дѣяніяхъ, удивляется, находя себя безчестнымъ?

По мѣрѣ размноженія общества, каждый изъ его членовъ учиняется ничтожнѣйшею частію цѣлаго, и чувство свободы по такойже соразмѣрности уменьшается естьли законы не стараются его утвердить. Ограниченныя въ прикращеніи своемъ подобно тѣламъ человѣческимъ, общества, не могутъ распространиться за назначенныя имъ предѣлы, не вредя хозяйству своему. Кажется, что обширность

тѣла государственнаго, должна быть въ обратномъ содержаніи чувствительности членовъ, его составляющихъ: естьлибы то и другое равно размножились; то законы встрѣтили бы преграду въ предупрежденіи преступленія, даже и въ самомъ томъ благѣ, какое бы могло отъ нихъ произойти. Чрезмѣру обширная республика предохраняется отъ деспотизма посредствомъ одного только раздѣленія и соединенія на нѣкоторыя совѣщательныя республики. Но какъ достигнуть сего союза въ правленіе самовластнаго Диктатора, мужественнаго подобно Силлѣ, и одареннаго такимъ же геніемъ для созиданія, какимъ Римлянинъ сей обладалъ для разрушенія? Пылая человѣколюбіемъ, такой человѣкъ пріобрѣтетъ безсмертную славу; будучи философомъ, онъ найдетъ въ благословеніи своихъ гражданъ утѣшеніе за потерянную власть, хотя бы и не учинился онъ безчувственнымъ къ ихъ неблагодарности. По мѣрѣ ослабленія связей нашихъ съ народомъ, усиливаются чувства, соединяющія насъ съ окружающими предметами. Вотъ для чего подъ жесточайшей деспотизмой узы дружества гораздо продолжительнѣе, также и сѣ-

мейственныя добродѣтели (всегда посредственныя) учиняются обыкновеннѣйшими, или лучше сказать едиными. Сообразно симъ разсужденіямъ весьма легко можно усмотрѣть ограниченность познаній многихъ законодателей.

---

§ 26.

О кротости наказаній.

Не столько суровостію казней предупреждаются преступленія, сколько несомнѣнностію наказаній оныхъ, неусыпностію судьи, и сею непреклонною строгостію, которая, по мѣрѣ только кротости узаконеній, учиняется добродѣтелью въ непоколебимомъ судьѣ. Предстоящая кротость наказанія неизбѣжнаго, всегда сильнѣе дѣйствуетъ, нежели сомнительный страхъ жестокой казни, теряющей почти весь ужасъ отъ надежды ненаказанности. Человѣкъ трепещетъ при видѣ малѣйшихъ бѣдъ, когда зритъ невозможность избѣжать ихъ въ то время, какъ надежда, сей сладостный даръ небесъ, часто все замѣняющій намъ, безпрестанно отдаляетъ

мысль о мученіяхъ, даже и о самыхъ жесточайшихъ; а особливо тогда, когда надежда сія подкрѣпляется еще примѣромъ ненаказанности, которую корысть и слабость доставляютъ не рѣдко и величайшимъ преступленіямъ.

Чѣмъ наказаніе будетъ жесточе, тѣмъ отважнѣе будетъ виновный, чтобъ отъ онаго уклоняться. Онъ совокупитъ злодѣйства, чтобы избѣжать наказанія предоставляемаго одному изъ оныхъ: и суровость законовъ умножитъ преступленія, жестоко наказывая виновнаго. Страны и вѣки, въ коихъ производились лютѣйшія наказанія, почти всегда помрачались неистовѣйшими злодѣяніями. Тотъ же духъ свирѣпства, который внушилъ законодателю кровавые законы, изощрялъ кинжалъ отцеубійства и злодѣйства. Монархъ, онымъ воспаленный, отягчалъ рабовъ своихъ желѣзнымъ ярмомъ, и рабы сіи, истребляя однихъ тирановъ, порабощались другимъ. Подобно влажностямъ, по естеству своему уравнивающимся со всѣми окружающими ихъ предметами, душа ожесточается отъ усугубляемаго зрѣлища свирѣпствъ. Частыя казни не столько устрашаютъ, ибо

привыкаютъ къ ужасу ихъ; и непрестанно дѣйствующія страсти по истеченіи ста лѣтъ, не столь укрощаются эшафотами и висѣльницами, сколь сперва обуздывались они темницами. Дабы наказаніе было достаточно, надлежитъ только чтобы зло, отъ него произтекающее, превышало преступленіе; сверьхъ того должно включать въ изчисленіе сего уравненія несомнѣнность наказанія и лишеніе выгодъ, пріобрѣтенныхъ преступленіемъ. Всякая строгость, превосходящая сію мѣру, учиняется излишнею, слѣдственно и тиранической. Бѣдствія, познаваемыя людьми чрезъ пагубную опытность, лучше учредятъ ихъ жизнь, нежели бѣдствія, имъ неизвѣстныя. Представимъ два народа, въ коихъ наказанія будутъ соразмѣрны преступленіямъ; положимъ, что въ одномъ жесточайшее наказаніе, будетъ вѣчное рабство, а въ другомъ колесованіе: я дерзаю утверждать, что каждый изъ сихъ народовъ равнымъ будетъ исполненъ ужасомъ, за предѣлъ котораго не простирается его понятіе. И естьлибъ какая причина подвигала водворить въ первомъ изъ оныхъ народовъ наказанія, употребляемыя

въ другомъ, то бы та же самая причина понудила усугубить и въ ономъ жестокость казней, переходя нечувствительно отъ колесованія къ мученіямъ медлительнымъ и изысканнѣйшимъ, и наконецъ къ послѣднимъ утонченіямъ сей науки варварства, весьма извѣстной тиранамъ.

Отъ чрезмѣрной жестокости законовъ о наказаніяхъ, происходятъ еще два бѣдственныя послѣдствія, непосредственно противуположныя предполагаемой ими цѣли къ предупрежденію преступленія. Первое состоитъ въ томъ, что весьма трудно сохранять истинную соразмѣрность, необходимую въ преступленіяхъ и наказаніяхъ. Свойство тѣлъ человѣческихъ, назначаетъ чувствительности предѣлы, коихъ никакая казнь не можетъ превзойти вопреки всѣмъ изысканіямъ искуственной лютости, въ неистовомъ семъ случаѣ. Естьли за симъ предѣломъ существуютъ еще преступленія, заслуживающія жесточайшей казни, гдѣ найти оную? Второе слѣдствіе состоитъ въ томъ, что самая жестокость казней влечетъ къ ненаказанности. Естество человѣческое столь же ограничивается во благѣ, сколь и во

злѣ. Чрезмѣру отвратительныя для него зрѣлища могутъ только уполномочиться мимотекущею яростію тирана, но положительная система законодательствъ никогда въ томъ не участвуетъ; ибо отъ жестокости своей она бы долженствовала необходимо или перемѣниться или разрушиться.

Есть ли столь жестокой человѣкъ, которой бы не содрогнулся отъ ужаса, встрѣчая въ исторіи безчисленность мученій, столь же безполезныхъ, сколь и ужасныхъ, изобрѣтенныхъ и хладнокровно приводимыхъ въ дѣйствіе чудовищами, именовавшимися мудрецами? Какое изображеніе! безчувственнѣйшая душа исполнилась бы состраданіемъ. Нищета, сіе необходимое или тайное слѣдствіе законовъ, почти всегда благопріятствовавшихъ малому числу людей на счетъ превосходнѣйшаго, принуждаетъ тысячи нещастныхъ обратно вступать въ состояніе природы. Отчаяніе ввергаетъ ихъ въ оное, суевѣрное невѣжество ихъ преслѣдуетъ; оно обвиняетъ ихъ въ невозможныхъ преступленіяхъ, или лучше сказать, въ преступленіяхъ, имъ изобрѣтенныхъ. Естьли они

виновны, то сіе происходитъ единственно отъ приверженности ихъ къ собственнымъ ихъ правиламъ; тщетное извиненіе! Люди, одаренные одинакими чувствами, и слѣдственно равными страстями, увеселяются обвиненіемъ ихъ для того, чтобы мученіями ихъ насытить свое неистовство; ихъ раздираютъ торжественно, истощаютъ для нихъ всѣ пытки, подвергаютъ зрѣлищу изступленной толпы, медлѣнно страданіями ихъ наслаждающейся.

---

§ 27.

О смертной казни.

Пораженный зрѣлищемъ неисчислимыхъ казней, которыя никогда не учиняли людей лучшими; я изыскивалъ, полезна ли смертная казнь въ мудромъ правленіи, и также разсматривалъ, справедлива ли она? Что значитъ право, присвояемое людьми убивать себѣ подобныхъ? Безъ сомнѣнія оно не въ числѣ правъ, отъ властительства и законовъ проистекающихъ. Сіи послѣднія суть только общая сумма малыхъ частей свободы, ввѣренныхъ каждымъ; онѣ

представляютъ общую волю, происходящую изъ соединенія частныхъ волей. Но какой же человѣкъ хотѣлъ другому уступить право отнимать у него жизнь? Какъ предположить, что въ пожертвованіи малѣйшей части свободы, отъ которой каждый могъ отказаться, заключается отсужденіе величайшаго изъ всѣхъ благъ? и естьлибъ то произошло, какъ бы согласовалось оно съ правиломъ, возбраняющимъ самоубійство? или человѣкъ можетъ располагать собственною жизнію, или не могъ онъ дать ни одному, ни цѣлому обществу права, ему одному не принадлежащаго?

Смертная казнь ни на какомъ правѣ не утверждается, я доказалъ оное. И такъ она есть только война, объявленная гражданину народомъ, считающимъ необходимымъ, или по крайней мѣрѣ полезнымъ, истребленіе гражданина. Но естьли я докажу, что общество, осуждая къ смерти одного изъ своихъ членовъ, не учиняетъ ничего полезнаго и необходимаго для выгодъ своихъ, я выиграю дѣло человѣчества.

Двѣ только причины могутъ предпо-

лагать необходимою смерть гражданина. Въ сіи смутныя времена, когда народъ старается возвратить свою свободу, или достигаетъ предѣла оной; во времена безначалія, когда безмолвствующіе законы замѣняются безпорядкомъ; естьли гражданинъ, хотя лишенный свободы чрезъ свои сношенія и силу, можетъ еще вредить общественной безопасности; естьли существованіе его угрожаетъ правленію опасною перемѣною; тогда безъ сомнѣнія нужно лишить его онаго; но подъ безмятежною державою законовъ, подъ кроткою властію правленія, образованнаго и одобреннаго совокупными обѣтами народа; въ государствѣ хорошо извнѣ защищенномъ, а во внутренности его подкрѣпляемомъ силою и мнѣніемъ, можетъ быть властительнѣйшимъ самой силы; наконецъ, въ государствѣ, гдѣ вся власть, находясь въ рукахъ истиннаго Монарха, не можетъ никогда быть цѣною богатства, могущаго только покупать удовольствія: тамъ, какая необходимость отнимать жизнь у гражданина? Сіе наказаніе оправдалось бы только невозможностію укротить преступленіе обыкновеннымъ примѣромъ:

вотъ вторая причина, которая бы уполномочила и учинила необходимою смертную казнь.

Опытъ всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что смертная казнь, никогда не препятствовала отважнымъ злодѣямъ возмущать общественное спокойствіе. Примѣръ Римлянъ свидѣтельствуетъ сію истинну, изъявленную во всемъ ея блескѣ Россійскою Императрицею ЕЛИСАВЕТОЮ. Въ теченіе двадцатилѣтняго своего царствія, сія Монархиня подавала отцамъ народовъ то поученіе, которое превосходитъ всѣ гремящія побѣды, покупаемыя отечествомъ одною только кровію своихъ сыновъ. Но естьли существуютъ люди, коимъ вѣщаніе власти, учиняя сомнительнымъ гласъ разсудка, возбраняетъ вѣрить столь ощутительнымъ доказательствамъ, пусть хотя на одно мгновеніе внемлютъ они гласу природы: и тогда они въ собственномъ своемъ сердцѣ найдутъ свидѣтельство истинны, мною израженной.

Наказанія не столько устрашаютъ мгновенною ихъ строгостію, сколько продолженіемъ своимъ. Чувствительность наша трогается удобнѣе и несравненно долѣе отъ

впечатлѣнія легкаго, но часто повторяемаго, нежели отъ пораженія сильнаго, но мимотекущаго. Каждое чувствительное существо повсюду управляется привычкою. Она научаетъ человѣка говорить, ходить и удовлетворять потребностямъ своимъ; равномѣрно нравственныя понятія впечатлѣваются въ умѣ продолжительными начертаніями, кои оставляютъ въ ономъ повторительное ихъ содѣйствіе. Удобнѣйшее обузданіе къ укрощенію преступленія не столь состоитъ въ ужасномъ, но мгновенномъ зрѣлищѣ смерти злодѣя, сколь въ непрерывномъ примѣрѣ человѣка, лишеннаго свободы, претвореннаго нѣкоторымъ образомъ въ вьючнаго скота, и вознаграждающаго общество, во все теченіе жизни его, тяжкимъ трудомъ, за учиненный имъ оному вредъ. Каждый, обращая взоръ свой на самого себя, можетъ сказать: *вотъ ужасное положеніе, которому подвергнусь я навсегда, учиня подобныя дѣянія.* И явственное сіе зрѣлище несравненно сильнѣе дѣйствовать будетъ самой мысли о смерти, всегда являющейся въ отдаленіи и окруженной мракомъ, ужасъ ея ослабляющимъ.

Какое бы ни производилъ впечатлѣніе видъ казней, то никогда не будетъ оно столь могущественно, чтобъ могло противостоять дѣйствію времени и страстей, часто истребляющихъ изъ ума человѣческаго напоминаніе о необходимѣйшихъ предметахъ. Неоспоримое правило, что стремительныя пораженія произведутъ надъ нами дѣйствіе весьма примѣтное, но краткое. Онѣ произведутъ внезапную перемѣну; люди обыкновенные вдругъ учинятся Персіянами или Лакедемонцами. Но правленіе свободное и безмятежное не столь много требуетъ примѣровъ разительныхъ, сколь впечатлѣній непремѣнныхъ. Казнятъ преступника: казнь его учиняется зрѣлищемъ для большей части свидѣтелей оной, и нѣкоторое только число зрителей взираетъ на нее съ жалостію, смѣшанною съ негодованіемъ. Что же происходитъ изъ сихъ двухъ чувствъ? Одинъ спасительный страхъ, который законы предполагаютъ внушить. Но видъ наказаній умѣренныхъ и безпрерывныхъ производитъ чувство всегда равное; ибо оно единственно, то есть, чувство боязни. Наказаніе виновнаго должно внушать зри-

шелямъ болѣе страха, нежели соболѣзнованія. Законодатель обязанъ поставлять преграды жестокости наказаній тогда, когда послѣднее сіе чувство владычествуетъ надъ зрителями мыслящими. Ибо тогда казнь сія не столько установлена для виновнаго, сколько для нихъ.

Чтобъ наказаніе было справедливо, то должно, чтобъ оно единственно имѣло нужную степень строгости для отдаленія преступленія. Но найдется ли хотя одинъ человѣкъ, который бы предпочелъ выгоднѣйшее для него злодѣяніе опасности лишиться за него свободы?

И такъ вѣчное рабство, замѣнивъ смертную казнь, столь же властительно, сколь и она, укрощаетъ рѣшительнѣйшаго злодѣя. Я скажу еще болѣе; оно и ея могущественнѣе! Часто взираютъ на смерть спокойнымъ и твердымъ окомъ: изувѣрство ее украшаетъ; тщеславіе, сопутствующее человѣку до предѣла смерти, скрываетъ ея ужасъ; отчаяніе стремится къ ней равнодушно, когда оно довело насъ до желанія престать жить, или быть нещастну. Но среди желѣзныхъ клѣтокъ, въ цѣпяхъ, подъ ударами, мечтанія изувѣрства

изчезаютъ, мракъ тщеславія разсѣивается, и гласъ отчаянія, подвигавшій виновника прекратить мученія свои, для того только возстаетъ, чтобъ живѣе изобразить ужасъ, готовящихся для него мученій! Разумъ нашъ легче противустоитъ стремительности послѣднихъ мученій, нежели времени и скукѣ. Соединенныя его силы противъ мимотекущихъ бѣдствій ослабѣваютъ ихъ вліяніе; но вся крѣпость его уступаетъ продолжительнымъ и постояннымъ впечатлѣніямъ. Когда пріемлемъ смертную казнь, тогда каждый изъявляемый примѣръ предполагаетъ преступленіе, учиненное въ то время, когда съ помощію вѣчнаго рабства, каждое преступленіе представляетъ народу примѣръ всегда достаточный и повторяемый.

И въ самомъ дѣлѣ, естьли не рѣдко нужно показывать народу знаменованія власти законовъ, то казни должны учащаться: но какъ для сего должно, чтобы и преступленія соотвѣтствовали онымъ, то смертная казнь не произведетъ ожидаемаго отъ нея впечатлѣнія; изъ чего и видно, что она совокупно и безполезна и не необходима. Вотъ бѣдственный предѣлъ, къ которому

влекутъ установленныя правила, коихъ не исчислили сперва послѣдствій! Естьли возразятъ мнѣ, что вѣчное рабство столь же ужасно, и слѣдственно столь же жестоко, сколь и смертная казнь: я соглашусь, что оно было бы еще лютѣе, естьлибъ соединяло въ единую точку всѣ мгновенія бѣдствій, испытываемыхъ тѣмъ, кто онымъ подвергся. Но мгновенія сіи разсѣянныя на все теченіе его жизни, могутъ только сравниваться съ ужасною минутою смертной казни, и то зрителемъ, изчисляющимъ все продолженіе оной, а не виновнымъ, который, развлекаясь предстоящими бѣдствіями, забываетъ о будущемъ. Всѣ возможныя нещастія увеличиваются воображеніемъ; страждущій находитъ въ своей душѣ, ожесточенной привычкою терпѣть, силы и утѣшенія, скрываемыя мгновеннымъ чувствіемъ отъ свидѣтелей его нещастія: вотъ что должно утверждать выгоды вѣчнаго рабства, не столь несносныя въ разсужденіи наказанія, сколь полезныя для примѣра.

Безъ сомнѣнія одно только хорошое воспитаніе научаетъ человѣка отдавать самому себѣ отчетъ въ чувствахъ своихъ:

но какъ злодѣй не менѣе того дѣйствуетъ въ слѣдствіе своихъ правилъ, хотя онъ и не входилъ въ изслѣдованіе оныхъ; то вотъ нѣкоторымъ образомъ разсужденіе вора или разбойника, когда отвлекается онъ отъ преступленія однѣми висѣльницами и колесованіемъ. Какія (вопрошаетъ онъ самого себя) ,,какія законы обязанъ я ,,чтить? Какое неизмѣримое пространство ,,во полагаютъ они между богатствомъ и ,,нищетою? Я лишаюсь даже и малѣйшаго ,,вспомоществованія отъ роскоши, гордынею своею подвергающей меня труду, ей ,,неизвѣстному: да и кто установилъ сіи ,,законы? Люди богатые и могущественные; люди никогда не посѣщавшіе мрачныхъ хижинъ бѣднаго; никогда не зрѣвшіе страждущихъ ихъ женъ, и алчущихъ ,,ихъ дѣтей, спорящихъ о грубой пищѣ, ,,столь слабомъ плодѣ неутомимыхъ ихъ ,,трудовъ. Ополчимся противъ неправосудія въ самомъ его источникѣ, уничтожимъ условія, гибельныя для большей ,,части людей, расторгнемъ цѣпи, скованныя мучительною праздностію, для отягощенія трудолюбивой нищеты; да, я возвращусь въ состояніе первобытной неза-

,,висимости моей, буду жить свободно, и ,,нѣсколько времени, буду вкушать благо-,,творный плодъ моего мужества и искус-,,тва. Предводительствуя нѣсколькими ,,людьми, столь же рѣшительными какъ и ,,я, я исправлю заблужденіе щастія; и сіи ,,тираны востренещутъ, коихъ нынѣ наг-,,лая пышность поставляетъ насъ ниже ,,самыхъ скотовъ, для удовольствія ихъ ,,опредѣленныхъ. Можетъ быть одинъ ,,только день. . . Что нужды! Страданія на ,,одну минуту, а за сію минуту проведу я ,,цѣлые годы въ свободѣ и удовольствіяхъ,, Естьлибъ въ сіе время взорамъ сего злодѣя представилась и самая Вѣра, то онъ и ее употребилъ бы во зло. Онъ почерпнулъ бы въ ней надежду раскаянія и помилованія, и ужасные мраки смерти разсѣятся отъ лучей вѣчнаго блаженства, столь легкой цѣны за мгновенное страданіе.

Напротивъ того, какимъ наполняются отчаяніемъ, представляя себѣ, что должны провести въ рабствѣ и горести нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и цѣлую жизнь; поработясь тѣмъ законамъ, коими покровительствовались; подвергаясь взорамъ и презрѣнію согражданъ своихъ; учи-

нясь предмѣтомъ гнушенія и ужаса для тѣхъ, кому были сперьва равны! какое полезное сравненіе горестнаго сего будущаго, съ сомнительностію успѣха злодѣяній своихъ и продолжительностію того времени, въ которое могутъ оными наслаждаться! Всегда предстоящій примѣръ нещастныхъ жертвъ ихъ безразсудности, долженъ гораздо сильнѣе вліять, нежели казнь, зрѣлищемъ своимъ, не столько исправляющая сколь ожесточающая души. Смертная казнь вредитъ еще обществу примѣрами суровости, подаваемой ею людямъ. Естьли страсти или необходимость, подвигающія къ войнѣ, научили проливать кровь человѣческую, то законы, предполагающіе единственною себѣ цѣлью умягчать нравы, не должны по крайней мѣрѣ усугублять сіе варварство; ибо поражая смертію съ большею изыскательностію и обрядами, они учиняютъ ее неистовѣе. Какое безуміе! долженствуя единственно знамѣновать волю общественную, ненавидѣть и наказывать убійство, законы сами тому подвергнутся; восхотѣвъ удалить отъ кровопролитія, предпишутъ они торжественное убійство! однако естьли существуютъ законы неопровержимо полезные, то они

суть тѣ, которые каждый желалъ бы предположить и соблюдать въ тѣ минуты, когда гласъ выгодъ частныхъ безмолвствуетъ или смѣшивается съ кликами выгодъ общественныхъ. Но желаютъ ли знать всеобщее мнѣніе о смертной казни; оно неизгладимыми чертами изображено въ сихъ движеніяхъ негодованія и презрѣнія, производимыхъ единымъ присудствіемъ исполнителя жестокостей правосудія, сего честнаго гражданина, споспѣшествующаго къ благу народному, повинуясь волѣ общественной, сего необходимаго орудія внутренней безопасности, которую защищаетъ онъ въ государствѣ, равно какъ воины изъ внѣ оную защищаютъ. Но откуда происходитъ сіе противорѣчіе? Гдѣ пріемлетъ источникъ чувствіе, противоборствующее всѣмъ усиліямъ разсудка? Въ семъ правилѣ, напечатлѣнномъ природой въ глубинѣ сердецъ нашихъ, которое вѣщаетъ намъ: *что никто не имѣетъ законнаго права на жизнь людей, и что одна только необходимость, сія властительница вселенной, можетъ предписать ей законы.*

Какою мыслію наполняетъ насъ видъ величественныхъ сихъ знаменователей пра-

восудія, хладнокровно и равнодушно повелѣвающихъ пріуготовлять казнь, къ коей влекутъ они преступника! Возможно ли! Когда нещастный, служитъ жертвою судорогамъ страданія, когда съ трепетомъ ожидаетъ послѣдняго удара, судья оставитъ мѣсто свое, чтобы въ покоѣ наслаждаться прелестями и удовольствіемъ жизни, и можетъ быть торжествуетъ о могуществѣ, имъ изъявленномъ! Не въ правѣ ли тогда воскликнуть, что законы служатъ только предлогомъ тиранства, что деспотизмъ для того только облекъ ихъ завѣсою правосудія, чтобы вѣрнѣе влечь къ олтарю своему жертвы, кровію которыхъ алчетъ оно упиться? Намъ изображали убійство ужаснѣйшимъ преступленіемъ, а теперь совершаютъ его безъ отвращенія и содроганія. Воспользуемся симъ примѣромъ. Намъ казалось, что насильственная смерть сопутствуется лютѣйшимъ ужасомъ и она есть мгновенна; но она еще менѣе устрашитъ того, кто ее не ожидаетъ; тогда вся лютость ея почти въ ничто обратится. Вотъ лжеумствованія и опасныя разсужденія, раждающіяся безпорядочно въ умѣ, къ злодѣяніямъ уже рас-

положенномъ, и не столько способномъ руководствоваться сущностію вѣры, сколько злоупотребленіемъ ея. —

Исторія рода человѣческаго есть неизмѣримая пучина заблужденій, на поверхности своей представляющая въ разсѣянности нѣкоторыя неосновательныя истинны. И такъ да не уполномочиваются тѣмъ, что большая часть вѣковъ и народовъ для нѣкоторыхъ преступленій назначили смертную казнь. Истинна сильнѣе всѣхъ примѣровъ и предписаній. Оправдаютъ ли неистовое суевѣріе, приносившее людей въ жертву Божеству, потому что кровь человѣческая лилась во всѣхъ храмахъ?

Напротивъ того, встрѣчая одинъ только народъ, хотя на нѣкоторое время воздерживавшійся отъ смертной казни, по справедливости представляю его образцомъ. Величайшія истины по жребію своему, мелькаютъ подобно молніи среди мрака, въ который заблужденіе погрузило вселенную. Еще не наступила та щасливая эпоха, когда помраченные взоры народовъ отверзутся для свѣта, и когда къ истиннамъ вѣры присовокупится еще свѣтозарность другихъ истиннъ.

Я чувствую, сколь легко заглушается воплями исступленныхъ рабовъ слабый голосъ философа. Но есть еще нѣкоторые мудрецы, разсѣянные по лицу земли: они меня услышатъ и будутъ отвѣчать мнѣ изъ глубины сердца своего. И естьли не взирая на препоны, отдаляющія истинну отъ престола, возможетъ она проникнуть до слуха какого нибудь Монарха; да познаетъ онъ, что она изъявляетъ ему сокровенныя обѣты всего человѣчества; да познаетъ онъ, что внимая ея гласу, помрачитъ онъ славу величайшихъ завоевателей! да узритъ онъ заранѣе справедливое потомство, осѣняющее мирными трофеями памятники Титовъ, Антоніевъ, и Трояновъ!

Сколь блаженно было бы человѣчество, естьлибъ въ первый разъ получало оно законы! Естьлибъ законы сіи изрекались Монархами, нынѣ управляющими Европою, сими благотворительными владыками, покровителями искуствъ и наукъ, сими вѣнценосными гражданами, возраждающими кроткія добродѣтели въ нѣдрахъ народа, который почитаютъ они своими чадами. Утвержденная ихъ власть усугубляетъ щастіе ихъ подданныхъ, она разрушаетъ

посреднюю сію деспотизму, тѣмъ жесточайшую, что она не столь твердо установлена, и которой неистовая политика, преграждая путь искреннимъ обѣтамъ народа, непрестанно заглушаетъ его гласъ всегда внимаемый, когда достигаетъ онъ къ престолу. Да возрастаетъ ежедневно власть сія! Вотъ желаніе просвѣщенныхъ гражданъ, сильно чувствующихъ, что естьли подобные владыки не прекращаютъ существованія безразсудныхъ законовъ, то сіе происходитъ отъ того, что удерживаются они еще чрезмѣрнымъ затрудненіемъ уничтожить заблужденія, усиленныя продолжительнымъ теченіемъ столѣтій.

---

§. 28.

О заключеніи въ темницу.

Естьли личная безопасность гражданъ ес‑ь, истинная цѣль общества, то какимъ образомъ предоставляютъ судьямъ, симъ исполнителямъ законовъ, право заключать по произволу ихъ въ темницу; право ужас-

ное, которое могутъ они употребить во зло, для похищенія свободы у враговъ своихъ, и для дарованія оной тому, кто ими покровительствуется, вопреки убѣдительнѣйшимъ доказательствамъ его преступленія? Какимъ образомъ сіе вредное заблужденіе, столь общепринято, сколь и опасно? Хотя темница отличествуетъ въ томъ отъ другихъ наказаній, что заключеніе въ нее непосредственно предваряется судейскими справками о преступленіи, однако одинъ только законъ долженъ опредѣлять случай дѣйствія оной. Сему особенному свойсщву причастна она равно всѣмъ другимъ наказаніямъ. И такъ законъ, для заключенія въ темницу обвиняемаго, утвердитъ потребныя свидѣтельства, подвергающія его допросу или наказанію. Гласъ народа, побѣгъ, признаніе, внѣ суда учиненное свидѣтельство одного соучастника, непримиримая ненависть противъ оскорбленнаго, учиненныя ему угрозы; всѣ сіи признаки достаточны для задержанія гражданина. Но законъ долженъ учреждать сіи доказательства, а судья не можетъ самопроизвольно заключать о силѣ ихъ. Опредѣленія его, суть нарушенія об-

щественной свободы, когда онѣ въ чемъ нибудь противуположены частному примѣненію общаго правила, проистекшаго отъ совокупности законовъ. По мѣрѣ умягченія наказаній, и чѣмъ менѣе темницы населятся будутъ нищетою и отчаяніемъ, когда кроткое человѣчество проникнетъ чрезъ рѣшотки и заклепы, когда наконецъ ожесточенныя сердца подчиненныхъ исполнителей превосудія, оживотворятся соболѣзнованіемъ; тогда для законовъ довольно будетъ слабѣйшихъ показаній, дабы повелѣть заключеніе въ темницу.

Темница не должна сопровождаться никакимъ знаменованіемъ безчестья для виновнаго, признаннаго въ судѣ невиннымъ. Сколько Римлянъ, освобожденныхъ отъ ужасныхъ злодѣяній, на нихъ возлагаемыхъ, въ послѣдствіи пріобрѣли почтеніе народное и достигли первыхъ степеней въ государствѣ! Для чего въ наши времена жребій обвиняемой невинности столь отличенъ? по тому, что въ настоящей системѣ уголовнаго нашего судопроизводства, кажется, что мнѣніе людей предваряетъ понятіе о правосудіи, понятіемъ о силѣ и о власти; по тому, что въ одинакихъ

темницахъ заключаются обвиняемый и преступникъ; по тому что темница служитъ болѣе наказаніемъ, нежели сохраненіемъ подозрительнаго гражданина; наконецъ по тому, что силы внутри государства защищающія законы, и по существу своему долженствующія быть совокупными, отдѣлены отъ силъ, защищающихъ престолъ извнѣ. Темницы военныя не столько безчестны по общему мнѣнію, сколь гражданскія; и естьлибъ государственное войско, соединенное подъ властію законовъ, однако, не завися непосредственно отъ судей, служило стражею для узниковъ правосудія, тогда бы безчестіе, всегда напечатлѣваемое обыкновеніемъ и сущностію дѣла, подобно всему зависящему отъ народныхъ мнѣній, разсѣялось бы предъ великолѣпіемъ и внѣшнимъ блескомъ, сопровождающимъ военныхъ людей. Но законы сіи, отдаленные нѣсколькими вѣками отъ настоящихъ познаній управляемой ими страны, сохраняютъ еще въ народѣ и въ обычаяхъ, жестокія и варварскія понятія, получаемыя нами отъ сѣверныхъ ратниковъ дикихъ нашихъ предковъ.

Утверждали, что въ какомъ бы мѣстѣ

ни учинилось преступленіе, то есть, дѣйствіе противное законамъ, они имѣютъ право оное наказывать; какъ будто бы свойство подданнаго единозначуще съ свойствомъ раба, а можетъ быть и того еще хуже; какъ будто бы въ одно время возможно быть жителемъ одной страны и подвластнымъ другому владычеству; какъ будто бы дѣйствія одного человѣка могутъ быть совокупно покорены двумъ Монархамъ и двумъ законодательствамъ, часто противорѣчущимъ.

Другіе думали, что учиненное злодѣяніе напр: въ Константинополѣ, должно наказываться въ Парижѣ: по той отвлеченной причинѣ, что нарушающій права человѣчества, учиняется врагомъ всѣхъ людей и предметомъ общественной ненависти. Но судьи не суть мстители за всеобщую чувствительность, они суть только защитники частныхъ договоровъ, соединяющихъ людей между собою. Наказаніе можетъ только налагаться въ той странѣ, гдѣ преступленіе учинилось; ибо тамъ только, а не въ другомъ мѣстѣ, люди принуждены предупреждать зло народное, зломъ частнымъ. Злодѣй, коего предше-

ствовавшія преступленія, не могли нарушить законовъ того общества, котораго не былъ онъ членомъ, можетъ внушить ему страхъ; верховная власть можетъ его исключить изъ онаго; но не имѣетъ права налагать на него другое наказаніе, по тому, что законы наказываютъ только вредъ, имъ причиненный, а не внутреннее злоумышленіе.

Отъ того, что люди не вдругъ предаются величайшимъ преступленіямъ, большая часть изъ присудствовавшихъ, при назначаемыхъ наказаніяхъ для злодѣйствъ, не ощущаютъ никакого страха при видѣ казни, которой они никогда не чаютъ заслужить. Напротивъ того, торжественное наказаніе преступленій не столь важныхъ, произведетъ впечатлѣніе надъ зрителями; оно удержитъ ихъ стопы, стремящіеся на путь порока, и предохранитъ ихъ отъ всѣхъ преступленій, въ бездну которыхъ ввергло бы ихъ первое порочное дѣйствіе. И такъ заключеніе въ темницу или ссылка въ отдаленныя мѣста злодѣевъ, не претерпѣвшихъ смертной казни, изъявляётъ не благомыслящую политику, заставляющую ихъ переносить къ другимъ

народамъ, примѣръ, коимъ обязаны они согражданамъ своимъ!

Наказаніе должно соразмѣряться преступленію, не только въ строгости, но и въ образѣ возложенія онаго. Обнародываніе нѣкоторыхъ дѣйствій и освобожденіе виновнаго по согласію обиженнаго, весьма соотвѣтственно благотворительности и человѣколюбію, но въ то же самое время весьма противно благу общественному. Гражданинъ въ правѣ не требовать должной ему замѣны, но оная необходима для народа, коему нуженъ примѣръ; и частный человѣкъ, милующій во имя свое, не имѣетъ права на то же милосердіе во имя народа! власть наказывать не принадлежитъ одному: она пребываетъ въ цѣломъ политическомъ тѣлѣ или въ лицѣ Монарха, и съ одного только общаго согласія можетъ прекращаться.

---

§. XXIX.

О тяжбахъ и объ отсрочкѣ.

Признавъ однажды дѣйствительность доказательства и утвердясь въ существованіи преступленія, справедливо доставлять виновному средства и достаточное время къ защитѣ его; но чтобы не умедлить наказанія, долженствующаго непосредственно сопровождать преступленіе, надлежитъ, чтобъ время сіе было кратко, естьли желаемъ, какъ мы уже сказали, чтобъ оно служило полезнымъ обузданіемъ для злодѣевъ. Неблагомыслящее человѣколюбіе можетъ возстать противъ требуемой нами поспѣшности въ изслѣдованіи уголовныхъ преступленій; но оно вскорѣ согласится съ нами, разсмотрѣвъ, что противный тому недостатокъ въ законодательствѣ, подвергаетъ невинность еще большимъ опасностямъ. Однимъ только законамъ должно назначать обвиняемому время для его защиты, и потребныя изысканія для доказательствъ преступленія. Обладая симъ правомъ, судья учинился бы самъ законодателемъ; отсрочка не должна

благопріятствовать злодѣямъ, уклонившимся бѣгствомъ отъ наказанія за неистовыя ихъ преступленія, коихъ напоминаніе весьма долго существуетъ въ памяти людей; но совсѣмъ противное бываетъ въ разсужденіи преступленій неизвѣстныхъ и маловажныхъ. Время, затмевающее ихъ, или вскорѣ предаетъ ихъ забвенію, или весьма ограничиваетъ необходимость примѣра и позволяетъ возвратить гражданину состояніе его, въ надеждѣ его исправленія.

Явственно видятъ, что я могу только означить общія правила; ибо для примѣненія оныхъ нужно бы было содѣйствовать въ законодательствѣ какого нибудь общества. Я прибавлю только, что признавъ пользу умѣренныхъ наказаній, законы, сокращающіе или продолжающіе соотвѣтственно преступленіямъ, теченіе обрядовъ и время отсрочки, легко бы возмогли установить для каждаго рода преступленія истинную соразмѣрность кроткихъ наказаній; ибо они ужé и самую темницу и добровольную ссылку вмѣнилибъ виновному въ нѣкоторую часть наказанія.

Впрочемъ, тщетно восхотѣлибъ уста-

новить точную мѣру между неистовствомъ преступленій и между временемъ, назначеннымъ продолжительностію справокъ или отсрочкою. Когда преступленіе не доказано, то чѣмъ оно ужаснѣе, тѣмъ и невѣроятнѣе. И такъ нужно будетъ сократить время справокъ и продлить потребное для отсрочки, не взирая на мнимое противорѣчіе, изъявляемое симъ правиломъ въ отношеніи къ сказанному мною: что почитая наказаніемъ содержаніе въ темницѣ и время отсрочки, можно опредѣлить одинакія наказанія для различныхъ преступленій. Объяснимъ сію мысль, и чтобы учинить ее ощутительнѣе, раздѣлимъ преступленія на два отдѣленія, первое означитъ неистовства, и начиная отъ убійства заключитъ въ себѣ всю ужасную постепенность злодѣяній. Мы отнесемъ къ другому отдѣленію дѣянія, не столь виновныя въ ихъ причинѣ и не столь бѣдственныя въ ихъ бѣдствіяхъ. Источникъ различія сего существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ. Личная безопасность есть право естественное: безопасность имуществъ есть право гражданское. Чувства человѣколюбія напечатлѣны природою во всѣхъ

душахъ: сильнѣйшія только причины могутъ заглушить властительный ихъ голосъ, и онѣ весьма ограничены. Но въ причинахъ, подвигающихъ насъ нарушать условія общественныя, находится совершенная тому противуположность: право, отъ сихъ условій проистекающее, не изображено въ нашемъ сердцѣ, а побужденіе естественное къ исканію благосостоянія своего не рѣдко влечетъ къ разрушенію онаго. Слѣдственно, вознамѣрясь установить правила возможности для сихъ двухъ отдѣленій о преступленіяхъ, должно утверждать ихъ на различныхъ основаніяхъ. Для чрезмѣрныхъ злодѣяній время должно сокращаться, ибо онѣ не столь часты, а назначаемое время для отсрочки, должно умножаться по мѣрѣ вѣроятности, что обвиняемый невиненъ. Такимъ образомъ средство сіе, укрощающее рѣшительный договоръ, уничтожаетъ въ народѣ надежду ненаказанности, которая бываетъ всегда тѣмъ опаснѣе, чѣмъ злодѣяніе неистовѣе; напротивъ того, въ преступленіяхъ не столь важныхъ, время изслѣдованія должно продолжиться; ибо невинность обвиняемаго не столь явственна, а время, назначаемое для

отсрочки, должно сокращаться; ибо слѣдствія ненаказанности не столь вредны: впрочемъ различіе сіе не могло бы существовать, естьлибы опасность ненаказанности уменьшалась въ точной соразмѣрности явственности преступленія, и естьлибъ обвиняемый тѣмъ болѣе могъ льститься избѣгнуть правосудія, чѣмъ бы болѣе находилось причинъ почитать его виновнымъ. Но разсудивъ о семъ внимательно, увидятъ, что отпущенный виновный за недостаточнымъ доказательствомъ еще не прощенъ и не осужденъ; слѣдовательно онъ можетъ быть задержанъ снова и подверженъ судебному изслѣдованію за то же преступленіе, и что наконецъ, онъ непрестанно наблюдается неусыпными взорами законовъ, и тогда только дѣйствительно освобождается отъ учиненнаго противъ него обвиненія, когда совершилъ назначенное время для отсрочки, соотвѣтственно тому преступленію, въ коемъ его подозрѣвали. Вотъ по мнѣнію моему вѣрное средство для взаимнаго соблюденія безопасности гражданъ и свободы ихъ, не благопріятствуя одной изъ нихъ съ ущербомъ другой. Сіи два блага составляютъ

равное и священное имущество каждаго гражданина; и основываясь на способахъ, мною предлагаемыхъ, онѣ не будутъ покровительствоваться ни деспотизмою явною или сокровенною, ни мятежнымъ безначаліемъ.

---

§ 31.

О самоубійствѣ.

Самоубійство есть преступленіе, для коего, кажется не льзя, назначить точнаго наказанія; ибо сіе наказаніе поражало бы невинность или трупъ безчувственный и неодушевленный. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, казнь произвела бы надъ зрителями такое же впечатлѣніе, какое бы ощутили они, видя статую, терпящую побои, и въ первомъ бы случаѣ, знаменовало оно несправедливость и мучительство; ибо гдѣ наказанія не относятся прямо къ лицу, тамъ нѣтъ свободы.

Не думаютъ ли, что увѣреніе въ ненаказанности учинитъ сіе преступленіе обыкновеннымъ. Безъ сомнѣнія нѣтъ. Люди

слишкомъ любятъ жизнь; они чрезмѣрно прилѣпляются къ ней отъ предметовъ, ихъ окружающихъ; они весьма страстны къ пріятностямъ, коими льститъ ихъ прелестный образъ удовольствій и надежды, сей очаровательницы, которая благотворною десницею своею изливаетъ нѣсколько капель блаженства въ ядовитыя струи бѣдствія, непрестанно на насъ стремящіяся. Кто боится страданія, тотъ повинуется законамъ: но смерть уничтожаетъ всю чувствительность. И такъ, какая причина удержитъ неистовую руку самоубійцы, готоваго себя поразить?

Лишающій себя жизни, не столько вредитъ политическому обществу, сколько изгоняющій себя изъ онаго навсегда; ибо въ то время, когда первый, все имущество свое оставляетъ отечеству, другой отъемлетъ у него свое лице и часть своихъ имуществъ. Естьли же сила государственная состоитъ въ многочисленности гражданъ, то самоубійство причиняетъ народу ущербъ въ половину менѣе того, который наноситъ отшествіе жителя, переселяющагося въ сосѣдній народъ. И такъ вопросъ ограничивается тѣмъ,

что полезно ли или опасно обществу, доставлять своимъ членамъ полную свободу отъ него отдаляться.

Обнародывать законы, не вооруженные содѣйствующею властью, или могущіе уничтожиться отъ обстоятельствъ: есть злоупотребленіе. Равно какъ мнѣніе, сія властительница умовъ, повинуясь медлительнымъ и сокровеннымъ впечатлѣніямъ законодателя, противустоитъ его усиліямъ, когда стремительность противоборствуетъ оному; подобно законы безполезные и слѣдственно презрѣнные, сообщаютъ уничиженіе свое даже и спасительнымъ законамъ, кои почитаютъ наконецъ не столько залогомъ блага общественнаго, сколько преградами, требующими преодолѣнія. Естьли же какъ мы уже сказали, чувствительность наша ограничена, то чѣмъ болѣе люди будутъ имѣть почитанія къ предметамъ чуждымъ законовъ, тѣмъ менѣе будутъ они уважать самые законы. Я не объясню слѣдствій весьма полезныхъ, которыя мудрый распорядитель щастія общественнаго могъ бы извлечь изъ сего правила, ибо я бы чрезъ то слишкомъ отдалился отъ предмета моего; а я долженъ

болѣе стараться доказать, что не должно претворять государства въ темницу. Подобный законъ безполезенъ; ибо естьли государство отъ всѣхъ другихъ странъ не будетъ отдаляться неприступными скалами или морями не столь извѣстными, то какую стражу учредитъ оно на предѣлахъ своихъ? Да и какъ охранять ту самую стражу? Вышлецъ, унося съ собою все имущество свое, не оставляетъ ничего такого, на что бы законы могли устремить то наказаніе, коимъ его угрожаютъ; совершившееся его преступленіе уже не подлежитъ наказанію: естьли же восхотятъ ему предписать оное, доколѣ преступленіе его не учинено, тогда ополчатся противъ воли, а не противъ дѣла; тогда самое намѣреніе, сія часть человѣка, свободная отъ всѣхъ человѣческихъ законовъ, учиняется жертвою мучительства. Восхотятъ ли обратить предоставленное наказаніе бѣглецу на имущества его, естьли онъ оставитъ оное? Но естьлибъ то и можно было произвесть, не нарушая взаимнаго союза народовъ, то тайное соглашеніе, (collusion) котораго не возможно отвратить, не стѣсняя договора гражданъ, все бы однако учи-

няло наказаніе сіе мечтательнымъ. Наконецъ, накажутъ ли виновнаго по возвращеніи его въ отечество? Но такимъ образомъ нанесенное зло обществу будетъ неизгладимо: такимъ образомъ изгонятъ навсегда того изъ государства, кто однажды отъ него отдалился; словомъ воспрещеніе жителямъ оставлять землю ихъ, подвигаетъ ихъ къ тому, и та же самая причина возбраняетъ иноплеменнымъ входъ въ оную.

Первыя впечатлѣнія младенчества привязываютъ людей къ отечеству: что же должно мыслить о правленіи, которое одною только силою удерживаетъ ихъ въ его предѣлахъ? Попеченіе о взаимномъ благѣ согражданъ, есть лучшее средство привлечь ихъ къ странѣ своей. Поелику каждая область должна напрягать всѣ усилія, чтобы склонить на свою сторону вѣсы торговли, то и величайшая польза Монарха и народа состоитъ въ томъ, чтобы сумма щастія подданныхъ его превосходила мѣру благоденствія сосѣднихъ народовъ. Но удовольствія роскоши не составляютъ главнаго основанія сего счастія возбраняя сокровищамъ совокупиться въ руки одного;

онѣ учиняются нужнымъ цѣленіемъ для неравенства, возрастающаго по мѣрѣ успѣховъ политическаго общества, равно какъ частная промышленность ограничивается соразмѣрно большей разсѣянности людей: а чѣмъ слабѣе промышленность, тѣмъ болѣе нищета порабощается пышности; тогда соединеніе притѣсненныхъ противъ утѣснителей, тѣмъ безопаснѣе, что оно труднѣе; наконецъ, тогда поклоненія, услуги, отличія, покорность и всѣ воздаваемые знаки почтенія, содѣлывающіе ощутительнѣе разстояніе сильнаго отъ слабаго, удобнѣе пріобрѣтаются отъ малаго числа, нежели отъ большаго: ибо люди тѣмъ независимѣе, чѣмъ менѣе за ними присматриваютъ, а тѣмъ менѣе надъ ними надзираютъ чѣмъ они многочисленнѣе. Роскошь благопріятствуетъ деспотизмѣ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не столько возрастаетъ многолюдство, сколько распространяются предѣлы; но напротивъ того тамъ, гдѣ многолюдство умножается соразмѣрно пространству земли, тамъ учиняется она преградою сему бѣдствію. Тогда оживляетъ она промышленность и дѣятельность, а нужда представляетъ богачу, слишкомъ уже много удобностей и забавъ,

чтобы предавались они влеченіямъ тщеславія, которыя единственно разпространяютъ и усиливаютъ между бѣдными мнѣніе о ихъ зависимости. Въ слѣдствіе сихъ разсужденій можно усмотрѣть, что въ странахъ обширныхъ, но слабыхъ и ненаселенныхъ, роскошь тщеславія должна первенствовать, естьли другія причины не полагаютъ ей препонъ; въ народахъ же болѣе многолюдныхъ, нежели обширныхъ, владычествовать будетъ роскошь удобностей. Хотя торговля и мѣна утѣхъ роскоши многими производится, однако онѣ подвержены тому затрудненію, что исходятъ изъ рукъ небольшаго числа людей, и наконецъ раздѣляются на нѣкоторое только число оныхъ; отсюда происходитъ, что пріятности ихъ, изливаясь на меньшую часть гражданъ, не замѣняютъ общее ощущеніе нищеты, происходящей всегда болѣе отъ сравненія, нежели отъ существенности. Но безопасность общественная и свобода, ограниченная одними только законами, суть истинныя основанія щастія царствъ; посредствомъ ихъ роскошь, благопріятствуетъ народу, а безъ нихъ учинится она орудіемъ му-

чительства. Подобно дикимъ звѣрямъ и птицамъ, которыя, животворясь чувствіемъ свободы, удаляются въ пустыни или въ непроходимые лѣса, оставляя человѣку прелестныя поля, гдѣ подъ цвѣтами скрывались сѣти, хитростію его имъ разставленныя; и самые люди бѣгутъ отъ удовольствія, когда оно предлагается имъ рукою тирановъ.

И такъ доказано, что законъ, удерживающій гражданъ въ ихъ землѣ, безполезенъ и несправедливъ; слѣдственно законъ о самоубійствѣ тому же подверженъ. Самоубійство есть преступленіе противъ Бога, наказывающаго оное по смерти; ибо одинъ только Онъ можетъ такимъ образомъ наказывать. Но оно не должно быть таковымъ противъ людей; ибо чѣмъ бы поражать преступника, оно единственно обращается на невинное его сѣмейство. Естьли однако возразятъ мнѣ, что сіе наказаніе можетъ еще остановить человѣка, рѣшившагося на самоубійство, то я отвѣтствую; что тотъ, кто спокойно отказывается отъ пріятностей жизни, и по ненависти къ оной предпочитаетъ ей нещастную вѣчность, конечно не будетъ

тронутъ отдаленною и не столь убѣдительною мыслію о стыдѣ, коему подвергнутся дѣти его и родные.

---

§ 32.

О запрещенныхъ товарахъ.

Продажа запрещенныхъ товаровъ есть истинное преступленіе, оскорбляющее Монарха и народъ; но наказаніе онаго недолжно быть безчестно; ибо мнѣніе народное не присоединяетъ къ оному никакого знака безславія. Опредѣляя безчестныя наказанія для дѣяній, не признанныхъ таковыми, уменьшаютъ въ дѣяніяхъ безчестныхъ вліяніе, которое должны онѣ производить. Естьли воззрятъ, что равной подвергаютъ смерти тайнаго стрѣльца, убивающаго фазана; злодѣя умерщвляющаго гражданина, и обманщика, который похищаетъ или поддѣлываетъ важныя бумаги, то вскорѣ перестанутъ различать сіи преступленія; а нравственныя чувства, съ толикою трудностію внушаемыя людямъ, столь медлѣнно въ сердцахъ ихъ впе-

чатлѣвающіяся, постепенно разсѣятся и изчезнутъ. Тогда обширное сданіе нравственности рушится само собою, сіе произведеніе столь многихъ вѣковъ запечатлѣнное кровію, вознесенное и утвержденное блескомъ великолѣпнѣйшихъ обрядовъ.

Продажа заповѣдныхъ товаровъ происходитъ отъ закона, оную запрещающаго; по тому, что выгода, которую находятъ въ избѣжаніи отъ пошлины, возрастаетъ по мѣрѣ умноженія сихъ пошлинъ; ибо влеченіе къ симъ преступленіямъ, и удобность учинять оныя тѣмъ чрезмѣрнѣе, чѣмъ запрещенные товары въ меньшемъ количествѣ; и чѣмъ обширнѣе тѣ мѣста, гдѣ учиняется сіе запрещеніе, тѣмъ труднѣе и охраняютъ ихъ. Забраніе вещей, запрещенныхъ товаровъ, и даже всего остановленнаго привоза, есть наказаніе весьма справедливое; но чтобъ учинить оное полезнѣйшимъ, надлежитъ, чтобы пошлины сіи были малочисленнѣе. Ибо отважность людей во всемъ соразмѣряется чаемой ими выгодѣ.

Естьли спросятъ, для чего продавщикъ запрещенныхъ товаровъ не подвергается знаку безчестія, въ то время, какъ пре-

ступленіе оныхъ изъявляетъ кражу у Монарха, слѣдственно и у народа; я буду отвѣтствовать, что общественное негодованіе смѣшивается только съ преступленіями, отъ которыхъ каждый частный человѣка мыслитъ, что получитъ точную обиду; но продажа запрещенныхъ товаровъ сему непричастна. Слегка тронутые отдаленными обстоятельствами люди, не усматривали зла, могущаго произойти отъ продажи сего рода, отъ которой даже часто получаютъ они настоящую выгоду. Они зрятъ только вредъ, учиненный Монарху, и для того чтобъ лишить виновнаго уваженія своего, не имѣютъ столько же понудительной причины, въ слѣдствіе которой отказываютъ въономъ вору и обманщику; словомъ, всѣмъ, чьи только дѣянія вредны для нихъ самихъ. Сей образъ разсужденія есть необходимое слѣдствіе неопровержимаго сего правила: что всякое чувствительное существо трогается только извѣстными ему бѣдствіями.

Но должно ли оставить безъ наказанія продавца запрещенныхъ товаровъ, ничего не теряющаго? Нѣтъ. Налогъ есть часть законодательства, столь необходимая и

столь трудная, сопровождаемая къ нарушенію ея столь вредными средствами, что подобныя преступленія заслуживаютъ важнѣйшихъ наказаній, каковы напримѣръ, темница или даже рабство; но темница или рабство соотвѣтственныя естеству преступленія. Напримѣръ, темница для продающаго безъ позволенія табакъ, не должна быть та, которая предоставляется убійцѣ или вору; и приличнѣйшее наказаніе естеству преступленія, безъ сомнѣнія, будетъ состоять въ томъ, чтобы обращать въ пользу Государственной казны работу того, кто хотѣлъ вредить оной.

---

§ 33.

О должникахъ.

Безъ сомнѣнія нужно для безопасности торговли и для нерушимости условій, чтобы законодатель позволилъ заимодавцамъ посягать на лице должниковъ, когда сіи послѣдніе подвергаютъ ихъ банкрутству. Но равномѣрно весьма

необходимо отличать мнимаго банкрута отъ настоящаго. Первый долженъ наказываться подобно фальшивымъ монетчикамъ: ибо дѣйствительно монетный металъ есть одинъ только залогъ взаимныхъ обязательствъ гражданъ, а поддѣлываніе сихъ самыхъ *обязательствъ* изъявляетъ такое же преступленіе, какъ и нарушеніе того, кто представляетъ ихъ. Но поступятъ ли равномѣрнымъ образомъ съ истиннымъ банкрутомъ, то есть, съ нещастнымъ, могущимъ явственно доказать своимъ судіямъ, что невѣрность его корреспондентовъ, ихъ ущербы или наконецъ произшествія, коихъ все человѣческое благоразуміе безсильно отвратить, подвергли его лишенію имущества? Какія варварскія причины заставятъ повлечь его въ темницу, дабы сопричастить его тамъ жребію и отчаянію преступниковъ? Какъ дерзнутъ лишить его свободы, единаго и послѣдняго его имущества? а такимъ образомъ не заставятъ ли можетъ быть добродѣтельнаго утѣсняемаго человѣка, раскаиваться въ томъ, что онъ не былъ виновенъ, и жалѣть о безмятежной невинности, покорившей его законамъ, подъ сѣ-

нію которыхъ жилъ онъ спокойно? Естьли онъ нарушилъ ихъ, сіе произошло отъ того что ему не возможно было сообразоваться съ сими законами, коихъ могущество и алчность порабощаютъ слабость, обольщенной надеждой, почти всегда существующей въ сердцѣ человѣка, что въ исчисленіи возможныхъ произшествій всѣ выгоды будутъ на его сторонѣ, а всѣ бѣдствія обратятся на другихъ. Страхъ быть обиженнымъ, вообще сильнѣе желанія влекущаго вредить; и люди, предаваясь всегда первымъ впечатлѣніямъ, прилѣпляются къ суровымъ законамъ, хотя бы особенная польза ихъ требовала, чтобъ они были благопріятнѣе, ибо они сами будутъ имъ подвластны. Но обратимся къ истинному банкруту: пусть по совершенной только уплатѣ почитаютъ долгъ его уничтоженнымъ; пусть возбраняютъ ему безъ согласія его заимодавцевъ, уклоняться и преносить въ другія мѣста свою промышленность, пусть силою строжайшихъ наказаній, принуждаютъ его употребить плодъ трудовъ и дарованій своихъ къ вознагражденію нанесеннаго ущерба, по мѣрѣ выиграша; все бы сіе могло быть справедливо;

но отнятіе свободы его никогда не можетъ оправдаться. Безопасность торговли, священная собственность имуществъ, никогда не возмогутъ учинить законными наказаніе, чрезмѣру жестокое, и скажемъ еще болѣе, безполезное въ то время, когда не сомнѣваются въ точности банкрутства, и естьли не надѣются, что узникъ подъ именемъ лютаго рабства откроетъ собственное свое плутовство. Но таковое сомнѣніе должно приниматься по самомъ строжайшемъ изслѣдованіи. За непремѣнное правило поставлено въ законодательствѣ, что сумма неудобствъ политическихъ опредѣляется, 1) въ слѣдствіе непосредственной причины учиненнаго зла обществу, 2) въ слѣдствіе обратной причины невозможности оной утвердить. Можно отличить обманъ отъ важной погрѣшности; сію послѣднюю отъ легкой; а наконецъ оную отъ совершенной невинности; и назначая въ первомъ случаѣ изреченныя наказанія для преступленія подделщиковъ, а во второмъ, не столь чрезмѣрныя; но съ лишеніемъ свободы, оставляли бы должнику совершенно невинному выборъ средствъ для поправленія своихъ

обстоятельствъ; въ то время какъ бы заимодавецъ долженъ предписывать сіи средства, когда должникъ виновенъ въ легкой погрѣшности. Не должно предоставлять опасному и самопроизвольному благоразумію судей, отличеніе важныхъ погрѣшностей, отъ погрѣшностей легкихъ; оное принадлежитъ закону, всегда слѣпому и безпристрастному. Столь же необходимо назначать предѣлы въ политикѣ, сколь и въ математикѣ; ибо первые также способствуютъ измѣрять благо общественное, какъ послѣдніе величины.

Сколь легко бы было предусмотрительному законодателю предупредить большую часть ложныхъ банкрутовъ, и помочь бѣдствіямъ трудолюбивой невинности! Да возмогутъ граждане ежеминутно справляться съ общественными записками, въ коихъ бы въ прочности и въ порядкѣ заключались всѣ условія; пусть мудро расположенныя подати на благословенную и цвѣтущую торговлю, составятъ банкъ, коего бы сокровища отверзались промышленности нещастной и угнѣтенной; сіи установленія произведутъ величайшія выгоды, непричастныя никакой существен-

ной неудобности. Но для чего же неизвѣстны или отвергнуты законы сіи, столь легкіе, столь простые и столь величественные, ожидающіе, чтобы излить въ нѣдра народовъ, изобиліе и силу, одного мановенія законодателя, котораго имя преидетъ изъ одного столѣтія въ другое, сопровождаемое хвалами признательности и щастія? Для чего безпокойный умъ, занимающійся малостями, робкое и скоротечное благоразуміе и мнимая недовѣрчивость къ новымъ установленіямъ ополчаются противъ того, кто разсматриваетъ дѣйствія слабыхъ смертныхъ?

---

§ 34.

О убѣжищахъ.

Мнѣ остается еще изслѣдовать два вопроса. Убѣжища справедливы ли? И полезно ли, чтобъ народы учинялись виновными?

Всѣ предѣлы государства должны равномѣрно зависѣть отъ законовъ. Сила ихъ должна повсюду преслѣдовать гражданина

подобно тѣни, тѣло его сопровождающей. Убѣжище и ненаказанность весьма мало между собой различествуютъ, и какъ страхъ наказаній сильнѣе напечатлѣвается несомнѣнностію своею, нежели суровостію бѣдствій, коимъ онъ подвергаетъ, то наказанія не столь отдаляютъ отъ преступленій, сколь убѣжища влекутъ къ онымъ. Размножать убѣжища, значитъ составлять множество ничтожныхъ владѣній; ибо гдѣ законы безсильны, тамъ могутъ произойти законы новые и противурѣчущіе законамъ принятымъ, откуда необходимо послѣдуетъ духъ противуположный тому, коимъ общество управляется. Всѣ лѣтописи міра изъявляютъ намъ, что убѣжища были источникомъ величайшихъ перемѣнъ областей и мнѣній человѣческихъ.

Полезно ли для народовъ учиниться взаимными преступниками? Несомнѣнно, что увѣреніе быть постигнуту повсемѣстно наказаніемъ, послужитъ спасительнымъ предупрежденіемъ преступленій? Но я однако не дерзну рѣшить сего вопроса, доколѣ законы соотвѣтственнѣйшіе потребностямъ человѣчества, наказанія кротчайшія, уничтожая самопроизволь-

ность судей и мнѣнія, утвердятъ права угнѣтенной невинности и добродѣтели, подверженной стрѣламъ зависти; доколѣ тиранство, удаленное въ обширныя предѣлы Азіи, не уступитъ мѣста благодатному владычеству разсудка, сему узлу столь тѣсно связующему выгоды престола съ выгодами подданныхъ.

---

§. 35.

О обыкновеніи оцѣнять голову.

Вторый вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы узнать полезно ли оцѣнять голову человѣка признаннаго виновнымъ, и такимъ образомъ претворять всѣхъ гражданъ въ палачей, коимъ даютъ противъ него оружіе? Или виновный оставилъ область, гдѣ учинилъ преступленіе; или онъ еще находится въ оной. Въ первомъ случаѣ, Монархъ подвигаетъ подданныхъ къ убійству и подвергнуться казни; онъ самъ оскорбляетъ народъ, коего нарушаетъ права и нѣкоторымъ образомъ уполномочиваетъ, и собственнымъ его правиламъ на-

нести такой же ущербъ; во второмъ онъ обнаруживаетъ свою слабость. Ибо имѣющій силу защищаться, не требуетъ помощи другаго. Сверьхъ того, подобный указъ разрушаетъ всѣ понятія о нравственности и о добродѣтели, уже столь колеблющіяся въ умѣ человѣческомъ, понятія столь наклонныя къ паденію отъ малѣйшаго противоборствующаго имъ произшествія. Тогда законы влекутъ къ измѣнѣ, которую однако они наказываютъ. Тогда законодатель одною рукою стѣсняетъ узы сѣмействъ, родства и дружбы, а другою изливаетъ сокровища на того, кто растрогаетъ оныя; въ беспрестанномъ съ собою противоборствіи, иногда ободряетъ онъ умы подозрительные и стремится между людьми водворять довѣренность, а иногда разитъ сердца сомнѣніемъ: и что же изъ сего происходитъ? Чѣмъ бы предупреждать злодѣянія, онъ заставляетъ учинять оныхъ тысячу. Вотъ средства слабыхъ народовъ, употребляемыя ихъ законами для мгновеннаго поправленія сданія правительства, отовсюду разрушающагося. Но по мѣрѣ распространенія просвѣщенія, какого бы то ни было народа, правота и взаимная до-

вѣренность, содѣлываются тамъ необходимыми, и общими силами споспѣшествуютъ соединиться съ истинною политикою. Тамъ легко предупреждаютъ коварства, крамолы, сокровенные ковы, и тамъ общая выгода господствуетъ надъ частною. Даже самые вѣки невѣжества, въ теченіе которыхъ общественная нравственность пріучала всегда людей сообразоваться съ нравственностію частною, сіи столѣтія, говорю я, служатъ поученіемъ для вѣковъ просвѣщенныхъ. Но законы, награждающіе измѣну и возжигающіе между гражданами тайную распрю, поселяя между ими подозрѣніе и ненависть, непосредственно противятся союзу политикѣ съ нравственностію, коему единственно будутъ нѣкогда люди обязаны благоденствіемъ своимъ. Сей союзъ возвратитъ народамъ міръ и спокойствіе; и отъ благословенныхъ его вліяній, вселенная по крайней мѣрѣ насладится продолжительнѣйшимъ безмятежіемъ, которое она неоспоримо заслуживаетъ въ отраду бѣдствъ, столь часто ее угнѣтавшихъ.

---

§ 36.

О предпринимаемыхъ злодѣяніяхъ, о сообщникахъ и о ненаказанности.

Хотя законы не наказываютъ намѣренія, однако то неоспоримо, что предпринятое преступленіе, чрезъ какое нибудь дѣйствіе, доказывающее стремленіе къ оному, заслуживаетъ наказанія, но не столь важнаго, сколь назначаемаго для преступленія, уже учиненнаго. Наказаніе сіе необходимо къ предупрежденію злодѣянія: но какъ намѣреніе и исполненіе могутъ раздѣляться нѣкоторымъ временемъ, то равномѣрно и страхъ суроваго наказанія, можетъ возбудить раскаяніе; оно можетъ удержать злодѣя, готоваго вступить на стезю преступленія: та же постепенность, по причинѣ совершенно противуположной, должна наблюдаться въ наказаніяхъ въ разсужденіи сообщниковъ преступленія, изъ коихъ не всѣ были непосредственными исполнителями. Когда нѣсколько соединенныхъ людей противоборствуютъ общей опасности, то чѣмъ будетъ она важнѣе, тѣмъ болѣе будутъ стараться уравнять ее для всѣхъ; слѣдовательно, тѣмъ менѣе

захочетъ кто нибудь изъ нихъ вооружить руку свою до совершенія преступленія, когда ему должно будетъ подвергнуться превосходнѣйшей и ужаснѣйшей опасности. Сіе моглобъ только исключаться въ одномъ случаѣ, то есть, когда бы какая нибудь предположенная награда исполнителю злодѣяній, превысила различіе преступленія, коему онъ подвергся, и тогда бы слѣдовало казни быть равной. Естьли разсужденія сіи покажутся слишкомъ утонченными, сіе произойдетъ отъ того, что не восхотятъ ощутить, сколь нужно, чтобъ законы оставляли самыя ограниченныя средства, коими бы сообщники злодѣйства могли пользоваться для взаимнаго ихъ согласія.

Нѣкоторыя судилища предлагаютъ тому ненаказанность, кто, учинивъ важное преступленіе, открываетъ товарищей своихъ. Сіе средство столь же причастно неудобностямъ, сколь и выгодамъ. Съ одной стороны народъ подвигаетъ къ измѣнѣ, то есть, къ тому роду коварства, коимъ и сами злодѣи гнушаются; онъ вводитъ подлыя преступленія, несравненно опаснѣйшія для него преступленій отважныхъ;

ибо отважность, будучи весьма рѣдкою, ожидаетъ только благотворной, силы дабы споспѣшествовать чрезъ нее къ общему благу. Напротивъ того робость, столь свойственная людямъ, есть отрава, непрестанно ліющаяся и заражающая всѣ души; наконецъ, ненаказанность знаменуетъ нерѣшительность своихъ судилищь и слабость ихъ законовъ, принужденныхъ прибѣгать къ помощи собственныхъ своихъ нарушителей. Съ другой стороны она предупреждаетъ злодѣйства и успокоиваетъ народъ всегда наклонный къ страху, когда зря преступленіе, не видитъ онъ виновниковъ оныхъ. Она убѣждаетъ гражданъ въ томъ, что нарушающій законы, то есть, условія общественныя, столь же невѣренъ будетъ и въ условіяхъ частныхъ. Мнѣ кажется, что общій законъ въ обѣщаніи ненаказанности каждому сообщнику, открывающему преступленія, былъ бы несравненно лучше особеннаго объявленія въ нѣкоторыхъ только случаяхъ: подобный законъ предупредилъ бы союзъ порочныхъ, внушая имъ взаимный страхъ, дабы не подвергнуться одному опасности, и судилища не зрѣли бы дерзкихъ злодѣевъ, основываю-

щихъ неустрашимость свою на томъ, что есть случаи, въ коихъ и они нужны; однако надлежало бы, чтобы въ слѣдствіе сего закона, ненаказанность сопровождалась изгнаніемъ доносчика. . . Но нѣтъ; тщетно стараюсь я укротить мои угрызенія; законы, сей священный памятникъ довѣренности общественной, сія нерушимая преграда нравственности человѣческой, не могутъ по существу своему уполномочивать вѣроломства и оправдывать измѣны. Да и какой бы примѣръ представили народу, естьлибъ самъ законъ, учинясь невѣрнымъ въ нарушеніи обѣта своего, опирался на тщетной утонченности, и естьлибъ оболщенный имъ нещастный, казнился бы за то, что внималъ его гласу! Однако часто случаются сіи ужасные примѣры, заставляющіе почитать государства махинами сложными, пружинами которыхъ по произволу своему управляетъ сильнѣйшій и ужаснѣйшій; и вотъ что по видимому оправдываетъ нечувствительность людей непреклонныхъ ко всему тому, что услаждаетъ нѣжныя и чувствительныя души. Подобно музыканту, который изъ инструмента своего дѣйствіемъ искус-

ныхъ перстовъ своихъ извлекаетъ попеременно ужасные и нежные звуки, они по воле своей возбуждаютъ чувствія нежныя и волненія стремительныя; ихъ умъ всегда холодный, употребляетъ для своихъ намереній страсти, имъ движимыя, и коими онъ располагаетъ; а сердце ихъ никогда не трогающееся, не страшится ощутить сіи движенія, кои познаютъ они только для того, чтобы ими пользоваться.

---

§ 37.

О пристрастныхъ допросахъ.

Наши уголовные законы отвергаютъ вопросы, называемые внушенными (Suggestives) то есть, те, кои имея прямое отношеніе къ преступленію, моглибъ внушить обвиняемому непосредственный ответъ: наконецъ те, которые касаются вида; ибо по мненію уголовныхъ нашихъ законоведцевъ, надлежитъ только вопрошать *о роде*. Вотъ отъ чего, кажется, желаютъ они, чтобъ вопрошающій никогда не стремился прямо къ делу. Какая бы ни была

цѣль сей методы, и уповалиль, что съ помощію оной будутъ внушать преступнику отвѣтъ, его спасающій, или почлиль противуестественнымъ, чтобъ человѣкъ обвинялъ самъ себя; однако противорѣчіе, которому подвергаются отъ того законы, уполномочивающіе пытку, не утратило явственности своей. И въ самомъ дѣлѣ есть ли какой нибудь допросъ вреднѣе страданія? Здоровый злодѣй, который властенъ будетъ избѣжать строжайшаго наказанія, противуборствуя боли, найдетъ въ оной причину къ молчанію: она внушитъ слабому признаніе въ его преступленіи, которое въ ту минуту освободитъ его отъ страданій: предстоящее дѣйствіе преодолѣетъ въ немъ страхъ будущихъ казней. Я скажу еще болѣе: естьли особенный допросъ противурѣчитъ праву естественному, принуждая виновника осуждать самаго себя, то не вѣрнѣе ли еще принудитъ его къ тому страданіе пытки? Но люди болѣе основываются на различіи словъ, нежели на различіи вещей.

Изъ числа обыкновенныхъ злоупотребленій словъ, столь сильно вліяющихъ на дѣянія людей, злоупотребленіе, заставляю-

щее почитать недѣйствительнымъ свидѣтельство преступника, уже осужденнаго, весьма важно для человѣчества. Осужденіе предполагаетъ политическую смерть: а мертвый, говорятъ законовѣдцы, уже ни къ чему неспособенъ. Ничтожная метафора! которой принесли множество жертвъ; суетное лжемысліе, неоднократно заставляющее изыскивать, должналь, или нѣтъ, истинна уступать обрядамъ судопроизводнымъ? Безъ сомнѣнія не должно, чтобъ свидѣтельства уже обвиненнаго преступника умедляли теченіе правосудія: но для чего между приговоромъ и казнію, не доставить выгодамъ истинѣ, ужасному состоянію преступника, достаточнаго времени оправдать новымъ рѣшеніемъ своихъ сообщниковъ или самаго себя, естьли новыя обстоятельства измѣняютъ существо дѣла? Не только обряды даже и внѣшній блескъ, нужны въ учрежденіи правосудія; посредствомъ ихъ отдаляется самопроизвольность судьи. Народъ чтитъ рѣшенія, изрекаемыя предъ нимъ съ величіемъ и по правиламъ, а не мятежно внушаемыя корыстью. Люди, искони привычкѣ порабощенные, всегда болѣе подвигаемые ощуще-

ніями, нежели умствованіями, получаютъ благороднѣйшее понятіе о своихъ судьяхъ и о должностяхъ ихъ. Часто весьма простая, иногда слишкомъ смѣшанная истинна, требуетъ нѣкоторой внѣшней важности, дабы возбудить къ себѣ почтеніе въ народѣ; но всѣ обряды, не заключенные законами въ тѣ предѣлы, въ коихъ никогда не могутъ они имъ вредить, будутъ источникомъ пагубнѣйшихъ слѣдствій. Нужно, чтобъ законы назначали наказаніе того, кто въ вопросахъ будетъ хранить упорное молчаніе; и наказаніе сіе должно быть въ числѣ важнѣйшихъ наказаній, дабы принудить виновныхъ, возвѣщеніемъ своихъ преступленій, подать должные примѣры обществу; но наказаніе сіе учиняется безполезнымъ, когда преступленіе доказано и виновный уличенъ; ибо тогда не нужны, ни допросы, ни признаніе виновнаго. Сей послѣдній случай бываетъ всего обыкновеннѣе: ибо изъ опыта явствуетъ, что въ большей части уголовныхъ изслѣдованій обвиняемые все отрицаютъ.

---

§ 38.

О нѣкоторомъ особенномъ родѣ преступленій.

Читая сіе сочиненіе, безъ сомнѣнія усмотрятъ, что я не хотѣлъ говорить о нѣкоторомъ родѣ преступленій, отъ наказанія которыхъ почти во всей Европѣ проливаютъ рѣки крови: и для чего представилъ бы я сіи зрѣлища ужаса, на кои изувѣрство, окруженное толпою служителей своихъ, стремилось насыщаться воплями горести, и гдѣ, устремивъ взоры на погибающія жертвы, роптало на пламя, чрезмѣру скоро снѣдавшее трепещущія ихъ внутренности! Почто напоминать тѣ лютыя времена, когда воздухъ помрачался дымомъ костровъ; когда на площадяхъ, покрывавшихся прахомъ человѣческимъ, раздавались однѣ стенанія? Да облекутся вѣчною завѣсою сіи неистовыя позорища! Въ разсужденіи же преступленія, производившаго оныя, та страна, гдѣ я существую, столѣтіе, въ которомъ я живу, предметъ, коимъ занимаюсь, возбраняютъ мнѣ изслѣдовать оное.

Я предприняль бы весьма продолжи-

тельный подвигъ и который бы заставилъ меня отдалиться отъ предмета моего, естьлибъ восхотѣлъ я доказать, вопреки примѣру многихъ народовъ, необходимость общаго мнѣнія въ государствѣ; естьлибъ восхотѣлъ изыскать, какимъ образомъ мнѣнія, различествующія между собою однѣми только темными тонкостями и превосходящими человѣческое понятіе, вліяютъ на благо общественное; какимъ образомъ мнѣнія сіи возмущаютъ народъ, когда не отрицаютъ всѣхъ другихъ, для принятія одного изъ оныхъ; какимъ образомъ въ отношеніи къ естеству сихъ мнѣній, которыя изъ оныхъ учинясь явственнѣе посредствомъ волненія, изъ противоборствія своего раждаютъ истинну, единую тогда возносящуюся надъ заблужденіями, кои погружаютъ ее въ забвеніе, въ то время, когда для существованія другихъ, ненадежныхъ въ собственной твердости своей, нужна власть и сила? Я не окончилъ бы сей статьи, естьлибъ вздумалъ изъявить, сколь нужно и необходимо поработить всѣ умы игу могущества, какое бы не находилось противорѣчіе между симъ правиломъ и тѣмъ, въ коемъ разсудокъ и священнѣй-

шая власть, предписывають намъ кротость и любовь къ ближнимъ, и сколь бы ни убѣждалъ насъ въ томъ опытъ, что сила производитъ однихъ только лицемѣровъ, слѣдственно и низкія души. Несомнѣнно, что всѣ сіи лжеумствія доказаны явственно; онѣ почитаются сообразными истиннымъ выгодамъ человѣчества, есть-ли гдѣ нибудь находится власть законная, которая приметъ ихъ и поставитъ за правило въ учрежденіи могущества своего. Что касается до меня, разсуждая единственно о преступленіяхъ, нарушающихъ законы естественные, или общественный договоръ, я долженъ молчать о грѣхахъ, то есть, о такомъ преступленіи, котораго даже и временное наказаніе не подлежитъ ни дѣйствію законовѣдѣнія, ни философіи.

---

§ 38.

Ложныя понятія о пользѣ.

Ложныя понятія о пользѣ нѣкоторыхъ законодателей, можно почитать обильнѣйшими источниками заблужденій и непра-

восудій. Но въ чемъ же состоятъ ложныя сіи понятія? Онѣ суть тѣ, которыя влекутъ законодателя болѣе наблюдать вредъ частный, нежели неудобности общія; хотѣть порабощать чувствія возбуждаемыя, но надъ коими не владычествуютъ; не страшиться приводить въ безмолствіе разсудокъ и обременять его оковами предразсужденія. Онѣ заставляютъ жертвовать существеннѣйшими выгодами, для неудобностей мечтательнѣйшихъ и маловажнѣйшихъ; жалѣть о томъ, что не возможно запретить людямъ употребленія огня и воды; ибо сіи двѣ стихіи производятъ пожаръ и кораблекрушенія; наконецъ, однимъ только истребленіемъ зла умѣть полагать оному преграды. Таковы суть законы, запрещающіе носить оружіе; законы, кои, дѣйствуя на однихъ только мирныхъ гражданъ, оставляютъ остріе въ рукахъ злодѣя, привыкшаго нарушать священныя условія, а въ слѣдствіе того, презирать и тѣ, которыя означаютъ одну только произвольность и маловажность; законы, могущіе нарушиться легко и безопасно, наконецъ, законы, коихъ точное исполненіе уничтожало бы личную свободу, столь

драгоцѣнную для человѣка, столь священную для мудраго законодателя, и подвергли бы невинность всѣмъ тягостямъ, злодѣянію предоставленнымъ. Они служатъ единственно къ умноженію убійствъ, подвергая гражданина беззащитнаго нападеніямъ злодѣя и учиняютъ состояніе обидчика лучшимъ, участи обвиняемаго. Сіи законы происходятъ болѣе отъ народнаго впечатлѣнія въ какомъ нибудь грозящемъ обстоятельствѣ, нежели отъ раченія мудрыхъ заключеній, наконецъ они внушались болѣе боязнію злодѣянія, нежели благомыслящею волею, предупреждать оное.

Въ слѣдствіе же сего ложнаго мнѣнія о пользѣ, утверждая, что въ разсужденіи существъ животворныхъ, должно наблюдать тотъ же порядокъ и устроеніе, коимъ причастно вещество; для того пренебрегаютъ предстоящія причины, единственно могущія сильно и постоянно дѣйствовать на толпу народную, дабы употреблять причины отдаленныя, коихъ слабыя и скоропреходящія впечатлѣнія почти всегда бездѣйственны, исключая на иступленныя воображенія, по свойству своему объемлющія предмѣты въ отношені-

яхъ, увеличивающихъ и сближающихъ оныя, наконецъ, для сего дерзаютъ отдѣлять общее благо отъ выгодъ частныхъ, жертвуя вещами словамъ.

Между общественнымъ и естественнымъ состояніемъ находится то различіе, что человѣкъ дикій по мѣрѣ только выгоды своей вредитъ ближнему, а человѣкъ общежительный погрѣшностію законовъ влечется вредить безполезно. Деспотъ водворяетъ страхъ и трепетъ въ души рабовъ своихъ; но вскорѣ учинясь самъ жертвою сихъ чувствъ, которыя, кажется, еще сильнѣе углубляются въ собственное его сердце, зритъ онъ себя низверженнымъ въ бѣдствія несравненно лютѣйшія золъ, имъ причиненныхъ.

Увеселяющійся тѣмъ ужасомъ, который отъ него происходитъ, не можетъ подвергнуться большой опасности, пользуясь позорною сею властію въ тѣсныхъ предѣлахъ своего сѣмейства: но естьли онъ простретъ оную на многолюдство, да вострепещетъ онъ тогда и самъ, помысля, сколь легко будетъ дорзости, отчаянію, а всего болѣе благоразумной осторожности, вооружить противъ него людей, которыхъ

тѣмъ удобнѣе обольстить, возбуждая въ сердцахъ ихъ чувства человѣчеству драгоценнѣе, чѣмъ болѣе будетъ участвовавшихъ въ опасностяхъ предпріятія, и чѣмъ менѣе нещастные цѣнятъ существованіе свое, по мѣрѣ претерпѣваемыхъ ими бѣдъ! Вотъ для чего умножаютъ оскорбленіе, когда однажды начали кого оскорблять; ибо ненависть есть чувствіе продолжительное, и пріемлющее новыя силы отъ дѣйствія, различаясь въ томъ отъ любви, которая слабѣетъ по мѣрѣ обнаруживанія и наслажденія своего.

---

§ 39.

О средствахъ предупреждать преступленія

Естьли полезно наказывать преступленія, то безъ сомнѣнія еще лучше предупреждать оныя. Вотъ въ чемъ должна состоять, и вотъ истинная цѣль каждаго мудраго законодателя: ибо хорошее законодательство есть одно только искуство руководствовать людей къ величайшему блаженству или къ самомалѣйшему несча-

стію, сообразно исчисленію благъ и бѣдствій сей жизни. Но какія средства употребляли доселѣ къ достиженію сей цѣли? И по большей части не изъявляютъ ли онѣ недостатокъ, или даже самую противуположность слѣдствію, отъ нихъ ожидаемому? Желать поработить мятежную дѣятельность людей, точному геометрическому порядку, непричастному никакому замѣшательству и неустройству, есть предпріятіе безуспѣшное и невозможное. З коны природы, всегда простые и постоянные, не препятствуютъ уклоненію звѣздъ въ ихъ движеніяхъ. Какимъ же образомъ законы человѣческіе возмогутъ замѣнить всѣ безпорядки, долженствующіе происходить въ обществѣ отъ непрестаннаго противоборствія страстей? Вотъ однако мечта людей ограниченныхъ, и обладающихъ какою нибудь властію.

Возбраненіе множества дѣяній ничего незначущихъ, не споспѣшествуетъ къ предупрежденію злодѣянія; ибо тѣ дѣянія не могутъ быть виною ни одного изъ оныхъ; напротивъ того, такимъ образомъ отверзаютъ путь къ новымъ злодѣйствамъ, и самопроизвольно претворяютъ понятіе о

порокѣ и добродѣтели, кои однако хотятъ почитать вѣчными и непреложными; да и какому бы подверглись мы жребію, естьлибъ захотѣли воспретить намъ все, могущее влечь насъ ко злу? Для того надлежалобъ насъ прежде лишить употребленія чувствъ нашихъ. За одну причину, удобную преклонить людей къ истинному преступленію, находится тысяча такихъ причинъ, которыя подвигаютъ ихъ къ ничего незначущимъ дѣйствіямъ, неблагомыслящими законами, наименованными уголовными. Чѣмъ же болѣе расширяютъ предѣлы злодѣяній, тѣмъ болѣе къ учиненію оныхъ поощряютъ; ибо закононарушенія всегда будетъ умножаться, по мѣрѣ причинъ, отъ оныхъ отвлекающихъ, а особливо когда большая часть изъ сихъ законовъ, будетъ преимуществами исключительными, то есть, общею данью, возложенною на народъ, для пользы ограниченнѣйшаго числа сочленовъ его.

Хотите ли предупредить злодѣянія? Учините законы ясными, простыми, словомъ таковыми, чтобы каждое общество, ими управляемое, для защиты ихъ совокупляло силы свои, не допуская нѣкоторой

части изъ народа потрясать сданія оныхъ до самаго его основанія. Охраняя всѣхъ гражданъ, пусть сіи законы лучше благопріятствуютъ каждому лицу особенно, нежели различнымъ степенямъ людей, составляющихъ государство. Наконецъ, да будутъ они предметомъ почтенія и страха; да трепещутъ предъ ними; но пусть они только одни приводятъ въ трепетъ. Страхъ, внушаемый законами, спасителенъ, но страхъ, внушаемый людьми, есть пагубенъ и онъ производитъ обильный источникъ преступленій. Подъ бременемъ рабства несравненно болѣе предаются сладострастію, разврату и свирѣпству, нежели въ нѣдрахъ свободы. Прилѣпленные къ наукамъ, занятые выгодами народовъ, люди свободные мыслятъ и дѣйствуютъ величественно; напротивъ того рабы, удовлетворяясь утѣхами мгновенными, предаются вихрю разврата, чтобы разсѣять оцѣпенѣніе свое; и по справедливости привыкнувъ почитать сомнительнымъ окончаніе всѣхъ происшествій, они думаютъ о слѣдствіяхъ ихъ злодѣяній, представляемыхъ имъ настоящею страстію во мракѣ неизвѣстности. Въ нѣдрахъ народа, отъ климата порабощеннаго бездѣйствію,

неизвѣстность законовъ производитъ и умножаетъ нерадѣніе и невѣжество. Въ народѣ роскошномъ, но дѣятельномъ, она влечетъ сіе стремленіе заниматься ничтожными ковами и тайными происками. Недовѣрчивость водворяется во всѣ сердца, и благоразуміе учиняется однимъ только бесчестнымъ искуствомъ вѣроломства и измѣны. Въ народѣ сильномъ и мужественномъ, вышеозначенная неизвѣстность вскорѣ уничтожается: однако до истребленія своего повергаетъ она его частымъ превратностямъ, и обращаетъ къ свободѣ по неоднократномъ порабощеніи его игу рабства.

---

§ 40.

О наукахъ.

Хотите ли вы предупредить преступленія? Да озарится шествіе свободы свѣтильникомъ наукъ. Естьли познанія производятъ какія нибудь бѣдствія, оное бываетъ въ то время, когда онѣ ограничены: а благоденствіе, отъ нихъ проистекающее,

возрастаетъ по мѣрѣ ихъ успѣховъ. Дерзкій обманщикъ, (который никогда не бываетъ человѣкомъ обыкновеннымъ) достигаетъ боготворенія въ народѣ невѣжествующемъ: но относится ли онъ къ народу просвѣщенному, и тогда презрѣніе служитъ ему удѣломъ.

Познанія способствуютъ человѣку сравнивать предметы; онѣ показываютъ ему оные въ различныхъ ихъ видахъ; онѣ раждаютъ въ его сердцѣ различныя чувства и научаютъ его наконецъ разнообразить ихъ, показывая ему постепенно въ другихъ тѣ же отвращенія и тѣ же желанія.

Изливайте щедрою рукою просвѣщеніе въ народъ; и вскорѣ благотворное его вліяніе уничтожитъ невѣжество и клевету; власть не подкрѣпляемая разсудкомъ, восгрепещетъ предъ его взорами, и одни только законы подобно истиннѣ непреврашные въ собственной силѣ своей почерпнутъ непреложность. И въ самомъ дѣлѣ, какой просвѣщенный человѣкъ не чтитъ условій, которыя общенародностію, явственностію и пользою ихъ сооружаютъ незыблемое зданіе счастія и безопасности общественной? Кто пожалѣетъ о ничтож-

ной и безполезной части свободы, которого онъ пожертвовалъ, сравнивая ее съ тѣми частями, отъ которыхъ всѣ другіе люди отказались, и убѣждаясь опытомъ, что безъ существованія законовъ, былъ бы онъ почти непрестанною жертвою пораженія соединенныхъ ихъ силъ? Чувствительная душа почитаетъ законы единою только преградою отъ зла; ощущая, что пожертвовала только свободою вредить ближнимъ, съ какимъ восторгомъ благословляетъ она престолъ и сидящаго на немъ!

Невозможно, чтобы науки были всегда пагубны человѣчеству; а естьли когда нибудь и были таковыми, то причиною тому было неизбѣжное бѣдствіе. Размноженіе людей на земномъ шарѣ, произвело войну, грубыя искуства, и первые законы. Законы въ источникѣ своемъ, были мгновенными условіями, раждаемыми и уничтожаемыми необходимостью. Такова была младенчествующая философія, которой малочисленныя правила знаменовались мудростію; ибо лѣность и ограниченное остроуміе предковъ нашихъ предохраняли ихъ отъ заблужденія. Но когда нужды не-

обходимо возрасли по мѣрѣ размноженія людей; когда надлежало употребить сильнѣйшія впечатлѣнія, чтобъ возбранить частымъ обращеніямъ къ нарушенію общежительности, всегда опаснѣйшему по мѣрѣ успѣховъ обществъ; тогда произтекло чрезвычайное политическое благо для рода человѣческаго отъ принятія заблужденій, населившихъ вселенную ложными божествами и изобрѣвшихъ невидимый міръ Создателя и Владыку нашей земли. Тѣ люди были истинными благотворителями человѣчества, которые дерзнули обмануть ближнихъ своихъ для ихъ же пользы; тѣ люди, которые искусною рукою привлекли невѣжество къ подножію олтарей! Они представили отцамъ нашимъ предметы, не подлежащіе чувствамъ; занимали ихъ изысканіемъ сихъ предметовъ, всегда готовыхъ укрыться въ то мгновеніе, когда, кажется, ихъ достигаютъ; наконецъ, они подвигли ихъ чтить то, о чемъ они имѣли слабое только понятіе, и такимъ образомъ умѣли осредоточить всѣ страсти и устремить ихъ къ единой цѣли. Вотъ первобытное состояніе всѣхъ народовъ, составившихся изъ скопленія различныхъ

дикихъ жителей. Вотъ эпоха установленія общества, и вотъ единый и истинный союзъ, ихъ связующій.

Изъ сего довольно явствуетъ, что я умалчиваю о избранномъ Божіемъ народѣ, о народѣ, коему разительнѣйшія чудеса и знаменитѣйшія милости замѣняли человѣческую политику. Но какъ заблужденія по естеству своему подвержены безконечнымъ раздѣленіямъ, то ложныя науки, отъ нихъ произшедшія, составили изъ людей толпу ослѣпленныхъ изувѣровъ, бродящихъ по произволу случая въ неизмѣримыхъ лабиринѳахъ невѣжества, и всегда готовыхъ къ взаимному противоборствію. Тогда нѣкоторыя чувствительныя души, нѣкоторые философы стали жалѣть о древнемъ дикомъ состояніи, и вотъ первая эпоха, когда познанія, или лучше сказать, мнѣнія учинились для человѣчества пагубными. Другую же толпу встрѣчаю я въ трудномъ и ужасномъ перехожденіи отъ заблужденія къ истиннѣ, отъ мнимаго сіянія къ истинному свѣту. Ужасное противоборствіе предразсудковъ, полезныхъ малому числу сильныхъ людей, противъ истинныхъ правилъ, благопріятствовавшихъ пол-

пѣ слабой и безвластной, и возбуждаемое онымъ потрясеніе въ страстяхъ, силою его сближаемыхъ, причиняютъ несказанныя бѣдствія плачевному человѣчеству. Пусть оглянутся на Исторію, въ коей, послѣ нѣкотораго истеченія временъ, всѣ величественныя картины сходствуютъ между собою; пусть остановятся на горестномъ, но необходимомъ пути отъ невѣжества къ философіи, слѣдовательно отъ тиранства къ свободѣ; и тогда ясно увидятъ, что не рѣдко цѣлое поколѣніе приносимо было въ жертву счастію грядущаго поколѣнія. Но когда спокойствіе возобновляется, когда на развалинахъ пожара, котораго снѣдающее пламя способствовало спасенію народа отъ удручающихъ его бѣдствій, истинна сперва медленно шествовавшая, ускоряетъ ходъ свой по ступенямъ престола и возсѣдаетъ близь Монарха; когда благотворительное сіе Божество зритъ размноженіе олтарей своихъ въ предѣлахъ царствъ; тогда какой мудрецъ дерзнетъ предпочесть мракъ, облекающій многолюдство, чистому свѣту, оное озаряющему? Какой философъ будетъ утверждать, что познаніе въ отношеніи

къ простымъ и справедливымъ предметамъ можетъ вредить человѣчеству? —

Естьли полупросвѣщеніе пагубнѣе слѣпаго невѣжества; ибо къ нещастіямъ, онымъ производимымъ, присовокупляетъ оно еще безчисленныя заблужденія, слѣдствія бѣдственныя и необходимыя взора ограниченнаго и остановленнаго за предѣлами истины; то неоспоримо, что драгоцѣннѣйшій даръ, который Монархъ можетъ учинить народу и самому себѣ, есть порученіе хранилища законовъ человѣку просвѣщенному. Привыкнувъ изблизи взирать на истинну, не страшась оной, разсматривая человѣчество въ обширнѣйшихъ и величественнѣйшихъ его отношеніяхъ; свободный отъ большой части нуждъ во мнѣніи по естеству своему ничѣмъ неудовлетворяемыхъ, и коихъ власть столь часто бываетъ для добродѣтели пагубна: подобный сему человѣкъ, обозрѣваетъ народъ въ видѣ обширнаго сѣмейства; и способный устремлять философическое око на всю массу людей, усматриваетъ самомалѣйшее разстояніе и различіе условій между народомъ и между вельможами. Мудрецъ имѣетъ потребности и выгоды, неизвѣстныя про-

столюдинамъ, онъ чтитъ необходимостію поддерживать дѣяніями своими правила, служащія основаніемъ его твореніямъ. Онъ какъ будто бы принужденъ по привычкѣ любить добродѣтель для нея самой. Какое блаженство отъ такихъ людей должно излиться на народъ? Но оно будетъ весьма скоротечно, естьли они не будутъ покровительствоваться благотворительностію законовъ, и естьли число ихъ до того не умножиться, чтобы поставить непреодолимую преграду злу, почти всѣ человѣческія установленія сопровождающему.

---

§ 41.

Судьяхъ.

Другое средство предупреждать преступленія, состоитъ въ отдаленіи отъ свѣтилища законовъ даже и тѣни разврата, и въ доведеніи судей до той степени, что бы они считая единственною выгодою блюсти во всей не порочности своей ввѣренный имъ залогъ, страшились бы и въ малѣйшихъ отношеніяхъ измѣнять оный. Чѣмъ суди-

лище многочисленнѣе, тѣмъ законы будутъ безопаснѣе отъ хищеній; ибо между многими людьми, другъ за другомъ взаимно примѣчающими, выгода усугублять собственную власть свою, уменьшается по мѣрѣ части, достающейся каждому въ удѣлъ; и будетъ ограниченнѣйшею изъ всѣхъ болѣе въ то время, когда сравнятъ оную съ опасностями предпріятія. Но естьли сопровождая правосудіе излишними обрядами великолѣпія, пышности и строгости, Монархъ совершенно возбраняетъ входъ жалобамъ справедливымъ или даже и неосновательнымъ прозьбамъ слабаго, считающаго себя утѣсненнымъ; и естьли пріучаетъ онъ подданныхъ своихъ не столько страшиться законовъ, сколько судей; тогда выигрышъ послѣднихъ соразмѣренъ будетъ ущербамъ общественной и частной безопасности. —

---

§ 42.

О Награжденіяхъ.

Награжденія, назначаемыя, добродѣтели послужатъ средствомъ къ предупрежденію

преступленій. Для чего новые законы всѣхъ народовъ хранятъ о семъ предметѣ глубокое молчаніе? Естьли Академическія награды, предлагаемыя полезнымъ открытіямъ, умножили познанія и хорошія книги; то не узрятъ ли равномѣрно распространеніе добродѣтельныхъ дѣяній, естьли благотворная десница Монарха благоволитъ увѣнчевать оныя? Знаменія чести, распредѣляемой мудростію, никогда не истощаются и непрестанно производятъ благодатнѣйшіе плоды. —

---

§ 43.

О Воспитаніи.

Наконецъ дѣйствительнѣйшее средство къ предупрежденію преступленій, но въ то же время и труднѣйшее, состоитъ въ усовершенствованіи воспитанія. Предѣлы сочиненія моего не позволятъ мнѣ распространиться о семъ важномъ предметѣ. Скажемъ только, что оный столь тѣсно сопряженъ съ естествомъ правленія; что никогда не узрятъ его совершенно объясненнымъ, доколѣ не настанутъ тѣ щастли-

выя, но весьма отдаленныя столѣтія, когда блаженство воцарится на землѣ. До того же времени, едва ли нѣкоторые мудрецы займутся онымъ; подобно сему неутомимая рука земледѣльца въ безплодныхъ поляхъ обработываетъ только нѣкоторыя мѣста.

Одинъ великій мужъ, просвѣтитель человѣчества, противъ него ополченнаго, изъявилъ въ подробности главныя правила, совершенно полезныя для воспитанія. Онъ доказалъ, что оно несравненно болѣе состоитъ въ выборѣ нежели во множествѣ предметовъ; въ точности изъясненій оныхъ, а не въ числѣ ихъ; онъ научилъ замѣнять списки подлинника въ нравственныхъ и физическихъ феноменахъ, случаемъ или искуствомъ наставника предлагаемыхъ уму питомца. Наконецъ доказалъ, что однѣ только кроткія впечатлѣнія чувствъ, могутъ руководствовать дѣтей на стезю добродѣтели; что надлежитъ удалять ихъ отъ зла непреодолимою силою необходимости и неудобностей, и что сомнительный способъ власти, долженъ быть оставленъ; ибо онъ порабощаетъ ихъ одному только лицемѣрному и скоропреходящему повиновенію.

§ 44.

О Милостяхъ.

По мѣрѣ умягченія наказаній, милость и прощеніе учиняются не столь необходимыми. Блаженъ народъ, гдѣ бы добродѣтели сіи почитались гибельными! И такъ милосердіе въ нѣкоторыхъ Монархахъ замѣнявшее всѣ другія добродѣтели, должнобъ быть изгнано изъ совершеннаго законодательства, въ коемъ бы наказанія были умѣренны, а рѣшенія не замедлялись и сообразовались бы съ правилами; истинна по видимому строгая для управляющихъ безпорядочнымъ уголовнымъ судопроизводствомъ, гдѣ безуміе законовъ и суровость казней дѣлаютъ необходимыми милости и прощенія. Несомнѣнно, что право освобождать виновнаго отъ казни есть наилучшее премущество Монарха; вотъ принадлежность, которую всѣ желаютъ зрѣть въ его лицѣ: но въ то же время она тайнымъ образомъ опровергаетъ законы. Благотворительный распредѣлитель общественнаго щастія, исполняя сіе право, кажется, ополчается на уголовное уложеніе, которое со всѣми

своими недостатками освящено предразсудками древности, поражающими огромнымъ видомъ безчисленныхъ истолкователей, величественнымъ содѣйствіемъ обрядовъ; наконецъ согласіемъ полоученыхъ, которые всегда болѣе обольщаютъ, и не столь устрашаютъ, сколь истинные философы. —

Разсуждая, что милосердіе знаменующее добродѣтель законодавца, а не исполнителя законовъ, для того должно озарять уставъ, чтобы не сопричащаться сужденіямъ; полагая, что изъявляя людямъ прощенныя преступленія и не сопровождавшіяся непосредственнымъ наказаніемъ, питаютъ въ нихъ надежду ненаказанности, и заставляютъ ихъ почитать казни дѣйствіемъ насилія, а не правосудія: возможно ли желать, чтобъ Монархъ прощалъ виновнаго? Нельзя ли основательно сказать, что онъ жертвуетъ общею свободою, свободѣ одного частнаго человѣка; и чрезъ частный подвигъ слѣпой благотворительности, провозглашаетъ общую ненаказанность? И такъ да будутъ непреклонными законы и исполнители ихъ; но пусть законодатель явится кроткимъ, человѣко-

любивымъ; будучи благоразумнымъ зодчимъ, пусть соорудитъ онъ зданіе свое на стремленіи всѣхъ людей, ко благу ихъ; будучи искуснымъ нравоучителемъ, пусть соединитъ онъ стеченіе выгодъ частныхъ для составленія блага общественнаго. Тогда ему не нужно будетъ прибѣгать къ законамъ частнымъ, къ поправленіямъ, слѣдствіемъ своимъ непрестанно раздѣляющимъ пользу общественную съ выгодами его членовъ, и тогда не подкрѣпитъ онъ страхомъ и недовѣрчивостію тщетный призракъ спасенія народнаго: будучи глубокомысленнымъ и чувствительнымъ философомъ, онъ не возбранитъ ближнимъ своимъ внушать въ покоѣ ничтожную часть блаженства удѣленнаго имъ существомъ высочайшимъ, и коимъ обширная система учрежденная, позволяетъ наслаждаться на сей земной песчинкѣ.

---

§ 45.

Заключеніе.

Я окончу трудъ мой симъ разсужденіемъ, что жестокость наказаній должна быть совмѣстна съ настоящимъ состоя-

ніемъ народа. Ожесточенные умы народа, недавно вышедшаго изъ дикаго состоянія, поразятся однѣми только сильнѣйшими и ощутительнѣйшими впечатлѣніями. Перунъ долженъ разить яростнаго льва; ибо выстрѣлъ ружейный, раздражая его болѣе, ни мало не вредитъ ему: но помѣрѣ разслабленія душъ въ общественномъ состояніи, учиняются онѣ несравненно чувствительнѣе, и естьли восхотятъ тогда соблюсти тѣ же самыя сношенія и въ предметахъ и ощущеніяхъ, то надлежитъ укротить строгость казней.

Всѣ мои разсужденія производятъ всеобщую теорему, столь же полезную, сколь и сообразную съ обычаемъ, симъ общимъ законодателемъ народовъ. —

Дабы всякое наказаніе не было дѣйствіемъ насилія, производимаго однимъ или многими гражданами противъ одного человѣка; то оно необходимо должно быть торжественнымъ, скороисполнительнымъ, нужнымъ, соразмѣрнымъ преступленію, возвѣщеннымъ законами, и сколь возможно слабымъ въ назначенныхъ обстоятельствахъ.

КОНЕЦЪ.

